

Е. М. Самарина

Оглядываясь на прошлое...

"Вот она, моя дорога,
и она уже позади.
Хоть оглянусь на неё
перед тем, как идти дальше"
(В. Барлас "Глазами поэзии"
СП.М. 1966. 93 стр.)

Хочется начать словами из упомянутой книги: "В потоке событий нас привлекает необычное, а то, что важно, подчас растворено в обыденном". Вот мне и захотелось написать про обыденное. Написанные страницы - это, по существу, мой собственный дневник. Он не рассчитан на широкого читателя, я просто надеюсь, что когда-нибудь им заинтересуются наиболее любопытные из моих потомков.

Вспоминаю много подробностей, не всегда интересных. Но я люблю подробности и мелочи жизни, наверное, поэтому они у меня засели в голове.

Великие писатели давно нам подсказали, на какие этапы делится жизнь. Конечно, все начинается с детства. А наше поколение ещё применяет деление времени на "до войны", "во время войны" и "после войны"

Детство.

Итак, однажды я родилась. Это случилось 21 февраля 1931 года в воскресенье, на руднике Сорокино, который вошел в город Краснодон. Маме было 19 лет, а папе 20. Помню себя с четырех лет. В голове мелькают отдельные отрывки из 1934-35-36 г.г.

Небольшой, пыльный, летом очень жаркий, шахтерский городок Краснодон. Садовая улица.

У нас есть рояль. Его купили после продажи коровы. На нем играет мама одной рукой школу Бейера. Наверное, учится. Перед отъездом из Краснодона его продали, а потом купили пианино "Одеса" (по-украински пишется с одним "с").

Мой день рождения. В гостях несколько девочек, мальчиков и маленький трехлетний двоюродный брат Вадик. Пока мы гуляем, мама разлила по блюдцам кисель для каждого на столе. Вадик пришел и, пока никого не было, съел весь кисель. Когда мы вошли, он старательно вылизывал языком последнее блюдце.

В соседнем доме находилась редакция местной газеты. Там было крылечко, огороженное перилами с балясинами. Засовываю ногу между ними, а вытянуть назад не могу. Кричу, плачу. Помог в беде дядя Миша Шапиро, который работал в редакции. Они жили на другой стороне улицы, мы с ними дружили. Однажды у них дома мне дают читать газету. Я читаю

название: "Из-вес-ти-я". Все восторгаются - четыре года, а уже читает! Из детских стихов этого времени остался в памяти стишок из "Мурзилки" - "Ах, как Сема аккуратен". В конце Садовой, рядом со школой им. Горького находился парк. Там был платный душ, несколько кабин, вода нагревалась на солнце. Я с мамой и тетя Зина Шапиро со своими детьми - Лидой и Ромой - идем в душ. Мы с Лидой вдвоем в одной кабине, а рядом в другой - Ромка. Мы усиленно подглядываем к нему в щелки и хохочем.

Лето. Арбузы. Мне хочется похвастаться - взять арбуз и выйти с ним за калитку. Мама говорит - не бери, разобьешь. Я все-таки беру и выхожу. Тут же роняю его на землю, и он разбивается. Со слезами хватаю разбитый арбуз и бегу с ним куда-то вокруг дома по улице. До сих пор помню, как было неприятно на душе.

Мне с сестрой Зиной мама даёт задание сходить в магазин и купить 200 граммов перловой крупы. Мама говорит: "Чтоб не забыли, повторяйте: одна - 200 грамм, другая - перловой крупы". Так мы с Зиной идем и повторяем: "Я - 200 грамм, 200 грамм; она - перловой крупы, перловой крупы".

Мама гладит бельё тяжелым чугунным утюгом, который подогревает на плите (электрического утюга не было). Я кручусь рядом и кладу руку на стол. Мама не видит и ставит горячий утюг мне на руку. В результате сильный ожог двух пальцев. Поднимается суматоха, мажут пальцы подсолнечным маслом и посыпают чайной содой.

Накрыт стол для гостей. Слышу, как папа восторгается маслинами. Я вижу из другой комнаты, что они очень красиво выглядят, как черносливы. Когда гости вышли, я подхожу к столу, хватаю маслину и в рот. Потом плююсь, кашляю и удивляюсь, что же тут вкусного?

Почему-то с Краснодоном связано воспоминание о пахучей пшенной каше, которую ели с горячим молоком. Пшено было желтое-желтое.

В квартире на стене висит телефон с ручкой, ее нужно крутить. Папа в серой косоворотке навыпуск, подпоясанный пояском, сосредоточенно ходит по комнате. Потом по телефону разговаривает на серьезную тему - что-то о хлебе, который нужно подвозить для шахтеров. Опять взволнованно ходит по комнате.

Незабываемое - необыкновенное. Недалеко от нашего дома на бугре стоит магазин "Гастроном". Полы в магазине деревянные, посередине стоит стол, а на нем лежит громадная "обсмаленная" свинья на опилках или соломе. Папа даже сфотографировался рядом с нею.

К нам часто приходит монашка Аксеновна. Она меня иногда водит в церковь, тайно от папы. Но я однажды дома рассказала, как поп размахивал кадиллом и угощал просвиркой. Вышел скандал. А когда папа узнал, что меня еще и крестили, то дело дошло почти до развода, ведь он был уже членом партии большевиков с 1930 года. Казанскую церковь в Ворошиловграде, где меня крестили в 1931 году, позже разрушили до основания. На этом месте разбили скверик. А сейчас её собираются восстанавливать.

На краснодонском базаре. Мальчишки таскают ведра с водой и кричат: "Есть холодная вода, три копейки - не беда!" Бабушка Нюся (дедушка её звал

"Нюша") часто ходила на базар, он был близко от их землянки. Покупала козье молоко, дедушке табак.

Зимний вечер. На улице темно и холодно. В комнате у них тепло и светло от печи с открытой дверцей. В печке весело потрескивает уголь. Бабушка качает меня на ноге, на ногах у нее обуты глубокие галоши. Игрушек не было, бабушка умело из носового платка делает "зайчика", углы платка - это ушки зайца. Держит его в одной руке, а другой гладит и приговаривает: "Заинька, зайнька, прыг!" И самодельный зайчик прыгает на меня. А летними вечерами сидели во дворе на лавочке. Дедушка и бабушка играли с соседями в карты. Их сын Витя, мой дядя, тут же сидел и играл на мандолине разные вальсы. Он был старше меня на семь лет. Около их дома всегда собиралось много ребят. На улице они часто играли в "чижика". Я наблюдала за ними. Вырывалась небольшая ямка в земле, в неё клали палочку и били по ней другой, большой палкой. Палочка подскакивала, и её нужно было ударить в воздухе. Тюленины жили почти рядом, и Сережка прибежал к Вите по несколько раз в день. Иногда стучал в окошко, чтобы вызвать Витю на улицу. Любимое занятие мальчишек в Краснодоне - гонять колесо по улице, держа его за длинную ручку.

Во дворе у них летом стояла большая деревянная лоханка, мне она очень нравилась. А за водой приходилось ходить далеко, в Шанхае вблизи нашего дома колонки не было. Двор был сквозной, одна калитка на улицу, другая - к яру. Он был довольно глубокий, и когда нужно было перейти на другую сторону, бабушка Нюся с трудом шла наверх, при этом всегда говорила: "Ой, мочи нет!" (Шанхай - это был район Краснодона с неказистыми домишками, которые здесь называли землянками).

На другой стороне яра одно время жили родители мамы - дедушка Вася и бабушка Феня Туреевы. У них был большой сундук со звенящим замком. С интересом я наблюдала, как бабушка Феня гладит белье не утюгом, а специальной каталкой. Часто варили взвар - компот из сухофруктов, они его называли "узвар". Я наблюдала, как бабушка коптила рыбу прямо в открытой печи. Не раз она меня просила вдеть нитку в иголку, наверное, уже портилось зрение. Вспоминается, как бабушка приходила к нам помогать маме простегивать ватное одеяло. Они ползали на полу по расстеленному на вате темно-синему сатину, прикладывали блюдца и обшивали их вокруг. На одеяле получались закругленные узоры.

А вот неприятное щемящее воспоминание. Как-то большой группой взрослых и детей пошли далеко в степь за травой для скота. Я была с бабушкой Феней. Нарвали травы в мешки и вдруг - облава. Мужчины, одетые (как мне запомнилось) в костюмы, бросились на нас - мы врассыпную. И схватили как раз бабушку Феню. После этого все остальные, и я в том числе, расположились недалеко на траве и уже не боялись, наблюдая за бабушкой и мужчинами. Мне было обидно до слез за бабушку. Она что-то просила у них, унижалась, слов не было слышно... Бабушка была тихого, спокойного нрава. Когда она серьезно заболела, я с мамой ходила в больницу её проведать. Вот бабушка идет в длинном зелёном больничном халате, с гладкой прической, с вьющимися прядками у висков и слегка

улыбается, даже щеки порозовели. А позже, осенью, живу временно у бабушки Нюси и дедушки Оси Третьякевичей, мама уехала в Харьков, где потом в больнице находилась бабушка Феня. Лежу на полу, на ватном одеяле, болтаю ногами. Входит бабушка Нюся, плачет и сморкается в фартук. Говорит - умерла Васильевна. Это значит, бабушка Феня, которой было 45 лет, а мне тогда было 5. У меня осталось о бабушке Фене какое-то теплое, спокойное, приятное впечатление. Она как будто бы излучала тихий свет.

За яром, возле которого располагались землянки обитателей Шанхая, виднелось недостроенное каменное здание бани. Мне оно казалось красивым, как дворец. Наверное, из-за контраста с хатами, в одной из которых жили и мои дедушка с бабушкой. Там же, за баней начиналась степь с пахучими травами. Дети любили есть молодые столбунцы травы с фиолетовыми цветами, которую называли бабкой. Разносился острый запах чабреца, полыни, запомнившиеся мне на всю жизнь. Дедушка Вася, мамин отец, очень ценил целебные свойства всяких трав и лечился ими. Он говорил "щебрец".

В Краснодаре жило много китайцев. Они торговали в лотках всякими самодельными конфетами. Это были разноцветные петушки на палочках, красивые уточки. Бабушка Нюся говорила, что китайцы маленьким детям надевают на ноги деревянные колодки, поэтому у них маленькие ножки.

Очень хорошо запомнилось, что именно в Краснодаре я часто слышала по радио голос певицы Ольги Ковалевой. Особенно её песню "На окошке два цветочка, голубой да синенький". Бабушка Нюся любила её пение, а позже очень любила Русланову.

В 1936 г. мы уехали из Краснодона. Сначала некоторое время папа работал в Лисичанске, потом под Ворошиловградом директором совхоза им. Чкалова, где мы жили в бараке. Затем в Ворошиловграде снимали две комнаты на Садовой улице. Когда я вспоминаю об этой квартире, то одновременно вспоминаю и соцветие четырех красивых женщин. В памяти возникает, как приезжала из села Югоновка мамина младшая тетя Нюра, молодая, белолицая русская красавица, но неизлечимо больная туберкулезом. Шли разговоры о том, что нужно лечиться собачьим салом. А однажды, когда здесь у нас гостила мамина младшая сестра красавица Ната (она училась в пединституте), к ней зашла ее соученица Тамара, тоже очень красивая. В это время по радио Лемешев поет "Скажите, девушки, подружке вашей". Мне кажется, что это поется о ней. Тамара смотрит в окно и кричит тете Нате: "Мишка, Мишка идет!" Это их сокурсник Михаил Матусовский, будущий известный советский поэт. Когда он вошел в квартиру, то заглянул в комнату, где в это время спала моя мама. "Кто это?" - спрашивает он. "Моя сестра" - отвечает тетя Ната. "Какая красивая!" - восклицает он.

Михаил Матусовский был поклонником моей тети, ухаживал за нею, посвящал ей стихи и, в конце концов, сделал ей предложение. Водил ее домой знакомиться с родителями. Его отец до революции, видимо, владел фотографией, а в наше время работал там фотографом. Когда люди шли фотографироваться, то говорили: "Идем к Матусовскому". Старший

Матусовский был высокий, крупный, уже лысый и, как нам всем казалось, сердитый фотограф. Однажды мы пришли фотографироваться с моим маленьким трехлетним братиком Витей. Матусовский долго возился, усаживал нас и когда произнес магические слова "сейчас вылетит птичка", Витя неожиданно спросил: "Какая птичка, класная?" Все рассмеялись и вызвали недовольство фотографа, а на фотографии видно, что Витя что-то говорит. Но мне так и не пришлось стать родственницей известного поэта. Мой дедушка Василий Михайлович, отец тети Наты, отговорил её выходить замуж за Матусовского, мотивируя тем, что она не знает еврейского языка. "Они будут дома по-своему разговаривать, а ты будешь сидеть как дурочка". А тут ещё и факультет перевели в город Николаев, тетя Ната уехала туда, а Матусовский переехал в Москву.

Малая Вергунка (1938-1941 гг.)

В 1938 году дедушка Вася купил в пригороде Ворошиловграда Малой Вергунке небольшой флигель, во дворе которого поставили и для нас дом. Наш дом перевезли с маминой родины - хутора Камышного. Дом был деревянный, разбирался и собирался по бревнам, снаружи его мазали и белили. В хуторе Камышном он был построен в 1913 году. Сначала там жили с бабушкой Васей и его родные братья, потом их отделили. В доме - три комнаты и кухня, между ними небольшой коридор. В одной комнате сначала пол был земляной. Уже в Вергунке мама составляла нужную смесь с глиной и песком, и мазала пол - обновляла каждый месяц. Позже постелили полы. Эта комната была спальней, а потом, в Ворошиловграде, дом поставили по-другому, и она стала столовой, к её площади добавили внутренний коридор. И в Вергунке и в Ворошиловграде дом белили снаружи обязательно к 1 Мая и 7 ноября. Перед праздниками по домам ходил участковый и напоминал об этом. Если из-за дождей штукатурка разрушилась, то перед побелкой требовалось сначала стены промазать смесью глины, песка и др. добавками. Фундамент покрывали раствором сажи. Мне нравилось, как свежепобеленный дом выглядел красиво из-за контраста белых, слегка голубоватых стен с черным фундаментом. Стены белили известью, чтоб не смыл дождь. Весеннюю побелку домов народ, как правило, проводил к Пасхе. На нашем доме выделялись зеленые ставни.

В Вергунке был уютный сад. До войны в нем росли вишни, сливы, абрикосы и одна большая старая груша. Консервировали вишни в бутылках, которые после стерилизации закрывали пробками и заливали горячим сургучом. Летом готовили на плите во дворе, над печкой был небольшой навес от дождя. После войны дедушка увлекся разведением яблонь и насажал их разных сортов. Расхваливал "пепинку" и белый налив.

У нашей соседки, Дарьи Ивановны, был такой же сад, как и у нас. Но почему-то мне казалось, что у неё вишни лучше наших. Однажды днем мы с моей подругой Лидой Шапиро решили попробовать соседские вишни. Рвем их, едим и вдруг на нас с криком встает из-за деревьев Дарья Ивановна. Мы с ужасом убежали домой. Решили лечь спать, чтоб не слышать, как соседка будет разговаривать с мамой. Легли, но никак не можем уснуть. Лида

говорит: "Чтоб быстрее заснуть, надо громко сопеть". Начали сопеть, постепенно заснули. А соседка маме ничего так и не сказала. Популярными играми у нас тогда были: "жмурки", "латка" (догонялки), "умри-отомри", "классы", камушки. Их надо было подбросить, ударить рукой по земле и успеть поймать, пока они не упали на землю.

В кухне над плитой прорубили прямоугольный проем, чтоб тепло шло в большую комнату. Кроме тепла, туда шли и всякие запахи. Помню хорошо, как мама жарила пирожки с повидлом, торопилась, потому что мы должны были ехать на урок музыки в город. А я сидела за пианино и учила какую-то вещь, которая у меня плохо получалась. Однако я, сыграв её один раз, бежала к этому проёму и хвасталась маме: "сейчас хорошо получилось!". Потом снова проигрывала эту пьесу и снова бежала докладывать маме: "Сейчас ещё лучше получилось!". Мама сомневалась, но проверить ей было некогда. Когда меня наказывали, то ставили в угол за пианино. Я при этом ковыряла там ногтями стену. На уроки музыки ездили на трамвае с пересадкой на кольце завода ОР (Октябрьской революции). Однажды зимой возвращались с музыки, шел сильный снег. Трамвай немного отъехал от кольца и дальше не пошел. Мы с мамой пошли пешком по шпалам, снег лепил в глаза, идти было трудно. Мама надеялась, что папа нас встретит. Пришли домой, папа был дома и даже не волновался, стал растирать нас скипидаром. Мама начала ему выговаривать, но он рассудил так: "Я был уверен, что вы в такую погоду останетесь ночевать у Кудрявцевых" (друзья нашей семьи). Телефона у нас не было, в Вергунке телефон имелся только на почте. Учительницей музыки была Нина Сергеевна Ноткина, представитель старой интеллигенции. Её сын Леонид Григорьевич - отоларинголог, принимал больных дома, играл на скрипке. Они жили в двухэтажном особняке на Почтовой улице. По-видимому, до революции дом полностью им принадлежал, а теперь остался только второй этаж. В большой комнате стоял рояль, на котором занимались ученики. Нина Сергеевна показывала мне книги старинного издания Брема. Там было много красивых цветных рисунков животных под листками папиросной бумаги. Дружбу с Ноткиными мы сохранили и в послевоенные годы, Леонид Григорьевич был партнером отца по преферансу и бывал у нас дома.

Примерно в августе 1938 года мама со мной и сестрой Зиной поехала в город Николаев к своей сестре Нате в гости. В Николаеве на перроне мы познакомились с ее мужем, дядей Колей, и были совершенно им очарованы - он нас встретил в белоснежном костюме, с золотыми пуговицами, в морской фуражке, очень приветливый. Потом он ходил с нами на прогулки, показал Буг и Ингул, а вечерами рассказывал о созвездиях. Тут я впервые узнала о существовании Большой Медведицы. Он работал на кораблестроительном заводе и я еще несколько лет после этой поездки всем говорила, что буду тоже кораблестроителем. Его брат занимал большой пост, кажется, тоже на этом заводе, и не раз был на приеме у Сталина. В гостях у их родителей мы с Зиной спели популярную тогда песню о гражданской войне "Дан приказ ему на запад" и удивились, когда нам предложили к чаю варенье из крыжовника и черной смородины. В Луганске у нас в те времена

не варили варенья из этих ягод, а предпочитали клубнику, вишню, абрикосы, сливы. Однако нам понравилось. Когда возвращались домой в Луганск, мы с Зиной смотрели в окно вагона и рисовали стога сена на листочках. Приехали поздно вечером, постучали дедушке в окно, чтоб он открыл калитку, и тут нас встретила новая бабушка - Матрена Авдеевна Голодная. Дедушка Вася, оказывается, женился и, конечно, только на казачке. У неё была уже замужняя дочь Нюся и сын Алеша, который работал на заводе ОР. Он не был женат, у него была девушка, с которой он ходил гулять или в кино. Он воевал на финской войне. Мы все ходили смотреть фильм об этой войне "Линия Маннергейма". Бабушка Мотя весь фильм проплакала. Потом дядя Алеша воевал уже с немцами и в этой войне погиб. Остался вышитый носовой платочек, который ему подарила его подружка. Я его рассматривала не раз у бабушки. Недаром говорят, что дарить носовые платки - к разлуке. После обеда дядя Алеша обычно говорил: "Наелась душа и напилась".

Бабушка Мотя во дворе сажала много цветов, а дедушка Вася считал это ерундой, ведь трудно было с поливкой. Вечерами бесконечное число раз бабушка с дедушкой для поливки огорода носили в ведрах воду, которую качали на улице из колонки. На рождество мы с Зиной приходили к ним во флигель и пели: "Рождество, рождество, дай копейку ни за что. Ты, дедушка, пятачок, а бабушка - пирожок". Бабушка Мотя была мастерица по тесту, славились ее пирожки с фасолью. Часто варили чечевицу - дедушка любил ее. На пасху бабушка выпекала разных размеров куличи, которые называла "паски". Тесто ставилось на ночь и она всю ночь вскакивала с постели и бегала в кухню его перемешивать. Моя мама говорила, что бабушка "лелеяла тесто". У них в комнате в углу стоял треугольный столик, над ним икона и лампада. Дедушка крестился перед едой и после еды, а бабушка каждый вечер перед сном целый час стояла на коленях перед иконами, читала молитвы и часто кланялась. Я любила у них ночевать и в темноте наблюдать за бабушкой. Мне нравилось, когда бабушка Мотя мыла мне голову и заплетала косы. Тогда не было шампуней, а донбасская вода очень жесткая, и бабушка делала полный таз мыльной пены. Когда заплетала косы, то делала это не из трех прядей, как обычно, а из четырех, пяти или шести. Не упускали случая, чтоб набрать дождевой воды для мытья головы, от нее волосы получались, как шелковые. Поэтому когда шел дождь, во дворе ставили тазы и ведра.

Мы все очень любили бабушку Мотю, хотя она была маме мачехой. Когда она приезжала к нам, то сразу надевала фартук и бралась за любые домашние дела. С внуками была очень ласковой. Правда, характер у нее был как у казачки, дедушке она не уступала. После смерти дедушки в 1968 г. она продала в Вергунке дом и переехала жить к родной дочери Анне в Киев, где умерла в 1975 г.

Зимой в 1939 г. мы с сестрой Зиной устроили самодеятельность в комнате, в которой для отопления был поставлен на пол чугунок. Он соединялся трубой с печкой в коридоре. Мы представляли своим домашним разные песни в лицах. Спели и сплясали "Светит месяц", потом стали изображать сценку на слова "Я приехала с деревни на Ванюшу поглядеть, вижу сквозь народу

много, а Ванюши нет да нет". При этом загляделись и налетели на раскаленный чугунок. Вот был переполох! Обошлось без ожогов.

Папа любил пошутить. Однажды приезжает тетя Настя, мамина двоюродная сестра, со своим маленьким сыном Юрой. Он такой хорошенький в черной шубке. Я прошу папу купить его. Но папа говорит - Нет денег, ведь он стоит 5 копеек! - А как-то осенью, когда папа был в командировке, мы с мамой возвращаемся из города. На деревьях листвы не было и наш дом хорошо проглядывался из трамвая, хотя он не выходил на трамвайную улицу. Мы заметили на крыльце папу и поняли, что он приехал. А он этого не знал и решил нас удивить - к нашему приходу спрятался. Из командировки привез крупные вкусные мандарины, кажется испанские, каждый завернут в папиросную бумагу. Позже, уже с внуками, папа их забавлял тем, что наряжался смешно и изображал разных животных - кукарекал, хрюкал, мяукал. А вообще папа всегда что-нибудь тихо напевал, когда ходил по дому и о чем-то думал - например, "Уходили в поход партизаны", "В темном лесе", а за столом в компании - обязательно "Из-за острова на стрежень".

Слушали часто патефон. Из довоенного репертуара запомнилась "Рио-Рита" и дуэты Утесовых. Мне нравилась песня о пожарнике, особенно концовка, где, как мне тогда казалось, красиво поет Эдит Утесова. Позже я удивилась, услышав от знатоков, что у Эдит не было голоса, а Утесов сам говорил, что поет душой и что он "орденопросец". Часто звучала "Бродяга" - папа любил пение цыган. С детства я знала, что есть знаменитая цыганская артистка Ляля Черная и знала песни Вадима Козина, папа часто напевал "Прощай, мой табор".

Когда жили в Вергунке, периодически выкармливали кабана. Приходило время его резать, приглашали знакомого по фамилии Кантор, во время войны он погиб на фронте. С его дочкой Мурой я дружила. Был случай, когда кабан вырвался и с ножом в горле бегал по снежному двору. Интересно было наблюдать, как потом разделявали кабана. Раскаленной кочергой смолили щетину. Папа с мамой готовили смесь для домашней колбасы и начиняли кишки через горлышко, отбитое у бутылки. Из желудка делали сальтисон, жарилась "свеженина", впрок заготавливалась солонина. Когда резали мясо, то ножи точили друг о друга, при этом раздавались характерные звуки, на которые со всех ног мчался в кухню наш умный кот. Он знал, что ему перепадет что-нибудь вкусное.

Во дворе в будке жил веселый пес Джульбарс - черная лохматая дворняжка. Он очень любил меня катать на санках - возьмет в зубы веревку и тащит санки, пятясь назад. Летом он выскочил на улицу в тот момент, когда там проезжали собачники. Мы только увидели, как Джульбарс с визгом и плачем вбегает с улицы во двор, влетает в свою будку и падает там замертво. Собачники его подстрелили. Джульбарса закопали в саду возле дома, на его могилку я поставила крестик из палочек. Мама увидела и сказала: "Нельзя. Он не крещеный".

Туалет располагался, конечно, во дворе. Дедушка Вася сам его чистил периодически. Эх, и неприятная это была процедура!

В баню ездили на трамвае до кинотеатра "Октябрь". Этим кинотеатром все очень гордились. Он находился недалеко от проходной завода ОР. В фойе на всю высоту здания была нарисована картина на тему покорения горных вершин. В буфете на столиках стояли вазы с пирожными. Я думала, что их можно брать бесплатно.

Папин брат Володя жил у нас в Вергунке, когда учился в машиностроительном техникуме. Утром его трудно было разбудить. Например, я его бужу, а он выставит ногу из-под одеяла и начинает смешно шевелить пальцами. Меня это очень забавляло, я смеялась и забывала о своих обязанностях.

У папы всегда была подшивка газет, в частности, "Правды". Серьезные вопросы он зачитывал вслух. Мне запомнилось, как он читал о визите Риббентропа в нашу страну. О "врагах народа" помню один момент, как я старательно чернилами перечеркивала на групповой фотографии в книге крест-накрест чье-то лицо. Не знаю, как папа в душе относился к "врагам народа". Жаль, что он не дожил до их реабилитации и не прочитал столько интересной информации. И дядя Миша Шапиро не дожил, а ведь его исключали из партии как троцкиста. Папа в 1939 г. тоже был арестован по непонятной причине. Когда он находился в предварительном заключении где-то в районе трамвайного парка, мы с мамой его посетили. Он вышел к нам, стараясь не показывать волнения. Был очень бодрым и говорил: "Сегодня жарил картошку". К счастью, его выпустили через месяц. Значительно позже он рассказывал, что его уже во время войны вызвали в органы и допрашивали, не является ли он поляком: "Ты поляк!" - "Да нет же, я белорус". - "Нет, ты поляк!"

Учиться в школе я начала сразу во 2-м классе. 1-й класс пропустила из-за скарлатины и, к тому же, я умела уже читать и считать. В школу № 10 ездила на трамвае до кольца завода ОР. Первая учительница добрая, пожилая, с интересным отчеством - Александра Мокиевна. Электрического звонка в школе не было. За окном висел небольшой колокол, уборщица становилась на подоконник, в форточку протягивала руку и звонила.

У дедушки Васи в сундуке лежала пачка старинных царских денег. Я взяла часть из них и принесла в школу показать подругам. В результате маму вызывали в школу и мне за это попало.

В 1939 г. в городе открылся большой новый универмаг на улице Карла Маркса, бывшей Казанской, в здании, которое до революции принадлежало состоятельной помещице. Тогда там тоже был магазин. Она сватала мою маму за своего племянника и обещала в приданое этот магазин. А теперь папа работал в новом универмаге начальником отдела. На открытии мы с мамой стояли в большой толпе перед магазином, а папа был на балконе вместе с другими сотрудниками. Кто-то из начальства держал речь. В толпе мелькал старинный друг семьи Кудрявцев. Впоследствии в универмаге была устроена для детей сотрудников елка. Я там тоже была. Нам загадывали загадки и награждали подарками. Запомнилось, что в подарке были исключительные вафли, вкус которых остался в памяти на всю жизнь. Больше ни разу мне не встречались вафли с такой вкусной начинкой. А

загадку мне загадали трудную: "Красный петушок по жердочке бежит". Помоему, я ее не смогла отгадать, а отгадала другую, более легкую.

Мы дружили еще с Краснодона с семьей Масловых, одно время они жили в Новочеркасске. Родители со мной ездили к ним в гости в 1938 г. Идем с поезда по ночному городу и с мамой стучим каблуками по асфальту. Мне это очень нравится, я стараюсь стучать сильнее. И очень удивляюсь, когда папа недовольно говорит: "Что вы так стучите каблуками? Оглушили..." Потом мы с Масловыми совершили прогулку в коляске на лошадях за город. Вокруг простиралась ковыльная степь, ковыль очень красиво колыхался на ветру. Это зрелище вызывает у меня всегда в душе трепет. Бесконечная ковыльная, движущаяся от ветра степь навеивает что-то фантастическое, из других миров. Во время остановки старшая дочь Масловых ушла в степь и ее решили напугать, нарочно тронули лошадей и тихо поехали. Она это увидела и вместо того, чтобы бежать скорее к нам, присела в ковыль и заплакала.

Еще такое воспоминание: вместе с папой в машине переправлялись на пароме через Донец. Был темный вечер. И вдруг огромное количество белых ночных бабочек налетело на нас как метель и облепило светящиеся фары машины.

В довоенное время из имеющихся у нас взрослых книг любимыми для меня были две: "Мертвые души" и солидная книга о челюскинцах. Поэма Гоголя была с иллюстрациями. Я до сих пор героев этой книги представляю такими, как на тех рисунках. Теперь я знаю, что это были рисунки художника Агина. Книга о челюскинцах - толстая, добротная. В конце ее несколько страниц обведены черной рамкой, там был портрет и биография погибшего члена экспедиции. Когда пришли немцы, дедушка Вася, чтоб не привлекать излишнее внимание с их стороны, вместе с книгами Ленина сжег и эти дорогие мне книжки. Ему приходилось опасаться немцев, т.к. его зять (мой отец) был коммунистом.

До войны существовали шестидневки, поэтому на воскресенье не всегда выпадал выходной день.

1941 - 1945

Начало войны.

22-го июня 1941 г. мама, папа и я поехали из Малой Вергунки в город в кино. В городе на спуске улицы Пархоменко мы услышали по радио речь Молотова и тут же вернулись назад домой. Возле дома на лавочке сидели бабы с нашей улицы КИМ и что-то обсуждали. Раскатисто смеялась наша бабушка Мотя. Она за нами вошла во двор. Мама спрашивает: "Вы слышали, что началась война?". Бабушка сказала "да" и сразу заплакала. Ей было свойственно резко переходить от радости к печали. Конечно, в первый день войны еще никто не представлял себе, во что она выльется

По ночам в Вергунке устраивали дежурства местных жителей на дорогах, чтоб проверять документы у проезжающих на машинах людей. Это делалось для того, чтоб задержать врага. Однажды и я напросилась дежурить с бабушкой Мотей. Было таинственно, темно и страшно. Ночь летняя, теплая. Дежурило человек

шесть, в основном, малограмотные бабы. В то дежурство проехала по нашей улице только одна машина - полуторка. Все стали на дорогу, остановили машину и проверили документы. Я думаю, что таким дежурным можно было показать любую бумажку вместо документа. Мне запомнился молодой молчаливый шофер в фуражке, с угрюмым лицом.

В сентябре 1941 г. я пошла учиться в 4-й класс уже в другую школу - в самой Вергунке, чтобы не ездить на трамвае. Стояли очень теплые солнечные дни. Небо синее. Ученики на него поглядывали с опаской, боялись вражеских самолетов. Между собой рассуждали, что немецкие самолеты, в отличие от наших, гудят прерывисто. Видели один раз, как летал над городом немецкий самолет с хвостом в виде рамы.

К нам в дом временно поселили беженцев из западных областей. Это была большая еврейская семья из Белоруссии. Они с собой возили огромный самовар, разжигали его во дворе и пили чай. Потом они эвакуировались дальше.

В саду около нашего дома дядя Алеша, сын бабушки Моти, копал укрытие от бомбежек. Мы с сестрой Зиной толклись рядом, мешали ему. Он нас ругал, что мы утаптываем влажную землю и ее тяжело копать. Готовую щель накрыли досками и ветками, несколько раз мы укрывались там ночью во время воздушной тревоги. В сентябре 1941 г. к нам приехала из Николаева мамина сестра Ната с годовалым сынишкой Витей. В Николаеве уже были немцы. Она успела уехать почти без вещей, там остался ее муж.

В нашем доме в Вергунке временно разместили на жилье офицеров перед отправкой на фронт. Один из них - высокий красивый блондин с волнистыми волосами - влюбляется в тетю Нату. Когда настало время нам эвакуироваться, он по-настоящему рыдал, как ребенок. Перед глазами у меня картина: он стоит, опершись на комод, закрыв лицо руками, и плачет. Тетя стоит рядом, я тоже стою тут же, наверное, мешаю. Она его успокаивает, но как мне сейчас вспоминается, с равнодушным видом. Осталась его открытка, где он написал тете слова из известного романа: " Серы глазки, где вы скрылись?", переиначив карие глазки в серые. Но тогда она только и думала о своем муже, о котором ничего не было известно, т.к. он остался в оккупированном Николаеве.

В октябре пришла пора нам уезжать. На окраине Ворошиловграда стоял состав из теплушек, куда мы грузились. В вагонах были нары в два этажа, посередине вагона стояла круглая печка, труба выходила наружу. Шел дождь. Провожал нас папа. Он оставался в городе и в случае его оккупации должен был остаться комиссаром партизанского отряда во главе с командиром - секретарем горкома Яковенко И. М.

А накануне в Вергунке мы попрощались со всеми. Запомнилось, что очень переживал и даже плакал дядя Алеша, сын бабушки Моти. Когда мы уже уходили, он стоял на крыльце, опершись на перила и опустив низко голову. Наверное, чувствовал, что больше не увидимся. Вскоре его мобилизовали, он погиб на фронте в районе Курска.

Эвакуировались мы в Узбекистан, добирались целый месяц. В пути варили суп с твердокопченной колбасой и ели с сухарями. Под конец пути мне уже очень не нравился запах такого супа. До Актюбинска ехали в темноте, соблюдали светомаскировку. И вдруг в Актюбинске столько огней, вокзал весь светится, так

радостно было! Долго пересекали Казахстан, все время пески, пески. Проезжали мимо Аральского моря. По пути мы, дети, узнали все типы паровозов, самый любимый у нас был "ФД" (Феликс Дзержинский). Когда подъехали к Ташкенту, мне показалось, что мы попали на райскую землю. И пока мы жили в Узбекистане, меня не покидало это чувство. На горизонте - горы со снежными вершинами, из-за гор пробиваются лучи солнца, теплый ароматный воздух. В Ташкенте на вокзале ходили узбечки с большими тарелками, полными красных помидоров.

Поселились в совхозе недалеко от Джумы у железнодорожной ветки Самарканд - Бухара. Сначала все эвакуированные, человек двадцать, жили в большом сельском клубе с колоннами. Первой, кто из ворошиловградцев устроился на работу, была тетя Женя Невенчанная, мы ее провожали, как на праздник. Она надела светлое шерстяное платье, все брызгали на него водой и разглаживали руками - утюга не было.

Рядом с клубом в маленьком помещении находился магазин. Я запомнила полки, заставленные вином "Токай", сушеные дыни, очень приторные на вкус, сушеную картошку. Потом нас расселили по комнатам в разных домах. Мы жили в маленькой комнате с цементным полом. Руководство совхоза организовало для эвакуированных бесплатную выдачу компота из сухофруктов. Сбоку в клубе было крылечко и там, в небольшом помещении, раздавали компот, за которым я ходила каждый день с чайником. Хлеба не было, пекли из муки лепешки. Посередине поселка находился пруд, по-местному "хаос". Из наших купалась в нем только смелая тетя Женя, причем красиво плавала на спине, сильно болтая ногами с брызгами во все стороны. Узбекские девушки купались в сорочках. Вокруг пруда и в поселке выделялись крупные деревья - карагачи.

Я пошла доучиваться в 4-й класс. В школу нужно было идти по красивым местам, перепрыгивать через арыки. Один арык был для меня как заколдованный. Иногда иду в школу и даже не замечу, когда его перепрыгну, но чаще всего, я перед ним подолгу стояла и не могла прыгнуть, боялась попасть в воду. Разбегалась, чтоб прыгнуть, и все равно перед ним останавливалась, как вкопанная. Тогда приходилось обходить стороной. Вдоль арыков росла шелковица, ягоды крупные, белые, падали в арыки и там размокали. Смотришь и выбираешь те, что не размокли. В школе регулярно делали разные прививки, очень болезненная из них была от тифа - укол под лопатку, долго болела. Школьные мальчишки, зная об этом, издевались над девочками, лупили их по спине по больному месту.

Школьники помогали убирать хлопок. И мне пришлось вместе с классом ходить на уборку хлопка. Всем выдавали специальные мешки, которые привязывались к поясу. Это занятие было интересным, не обременительным. Вместе со школой я побывала на грен-заводе, где выращивают коконы шелковичного червя.

Дружила с девочкой из семьи железнодорожного рабочего. У них было много детей. Мать зарабатывала стиркой. Я любила у них бывать в гостях. Отец приносил каждый день домой положенную их семье норму хлеба - одну круглую буханку и еще кусочек граммов двести. Мне перепало тоже, чему я очень радовалась, т.к. не ела хлеба со времен отъезда из Ворошиловграда. Еще у них варили очень вкусную мамалыгу, которой угощали и меня.

В клубе совхоза устраивали самодеятельные спектакли на военную тему. Я наблюдала за кулисами, как в нужный момент парень со всей силы бил кожаным ремнем об пол, на сцене это звучало как выстрел из нагана нашей разведчицы, от которого падал замертво немецкий офицер. Я тоже участвовала в концертах - с двумя девочками танцевала польку и декламировала стихи. Один примерно семилетний мальчишка пел: " Кони сытые бьют копытами, встретим мы по- сталински врага!" (Он выводил старательно: "сы-ты-и"). Одна участница из местных русских пела под гитару "Давай пожмем друг другу руки и в дальний путь, на долгие года". Мне эти слова казались необыкновенно красивыми.

Затем мы переехали ближе к Самарканду, жили в кишлаке колхоза им. Усмана Юсупова. Напротив, через железную дорогу, находилась воинская часть и военный городок, где была школа. Там я проучилась 5-й класс и начала 6-й. В школе изучала узбекский язык. И сейчас могу посчитать по-узбекски до двадцати. Мне нравилось на базаре спрашивать "Нич пуль?" (Сколько стоит?). Базарчик размещался под большим деревом возле железной дороги, близко от нашего двора. Там продавали лепешки, их держали стопками на руке - 10 рублей штука. Изюм и орехи - 100 рублей килограмм. Простоквашу держали в выдолбленных тыквах, которые имели форму кувшинов. Мы любили кашу из джугары - это растение напоминало кукурузу, но вместо початков, были кисти с белыми круглыми зернами.

Тетя Ната работала в воинской части в спецотделе, а мама работала в кишлаке сначала в столовой, а потом в маленьком магазинчике. Жили мы у хозяйки в глиняном доме в отдельном помещении. Полы тоже были глиняные. В этом же дворе жила тетя Шура из Барановичей. У нее был сын Женя, 13 лет, мне - 11 лет.

Мы с ним и несколько таких же школьников летом ходили на работу - собирали урюк и яблоки. Хотя считается, что урюк - это сушеные абрикосы, но местные жители так называли свежие. В помощь нам выделили ишака, которого на ночь привязывали в нашем дворе. За работу разрешали брать каждый день по ведру любых фруктов, я приносила и высыпала их на плоскую крышу нашей комнаты для сушки. Особо ответственным считался сбор урожая сахарного урюка, его надо было рвать прямо с дерева, а не трясти на землю. Он был бело-золотого цвета, плоды - крупные, мягкие. Кроме сбора фруктов, мы должны были еще и резать яблоки на сушку. Располагались в тени под деревом, где прямо на земле была насыпана большая гора яблок. Мы сидели вокруг на траве и резали яблоки. Есть их нам совсем не хотелось, они казались безвкусными, пресными, хотя наш ишак ел их с удовольствием. Их так и называли: "ишачьи яблоки". После этой работы у меня образовался нарыв на большом пальце правой руки, который долго не прорывался, пока не стали прикладывать капустный лист. Палец так болел, что я не могла спать по ночам. Брала на руки нашего кота и ночью с ним ходила по двору. След от нарыва остался на всю жизнь.

Готовили еду в основном во дворе, где разводили огонь прямо на земле между кирпичами. Для лепешек тоже во дворе была сделана круглая глиняная печь. Я ходила в колхозный сад и собирала там ветки. В такие моменты на меня находило грустное настроение, я вспоминала папу и напевала на мотив песни "Раскинулось море широко" свои жалостливые слова о папе. Он был в партизанах, вестей от него самого не было, правда, из ЦК партии Украины на мамин запрос пришел ответ:

"Он жив-здоров. Действует". Мама с тетей часто гадали на картах, я уже знала, что трефовый король - это муж тети Наты, о судьбе которого она ничего не знала, а червовый - мой папа. Тоскливо было в зимние вечера - на улице сыро, холодно, иногда срывался снежок. В комнате электричества не было и мы жгли каганец или керосиновую лампу.

У хозяйки в комнате с осени на всех стенах на гвоздиках сушились грозди винограда, постепенно превращаясь в изюм. Самый лучший сорт винограда - мелкий, сладкий и без косточек, из которого получался вкусный изюм - кишмиш. А зимой у хозяйки топили сандал - это посреди комнаты вырыта яма, а в ней для обогрева были горячие угли. Сверху стоял маленький столик, накрытый одеялами. Все члены семьи спали вокруг сандала под одеялами. Хозяйку мы звали "опа", что значит "тетя". У нее были дочери - Миясар, Хамро, Санталат и сын Насим - Ибрагимовы. Однажды пришла весть, что их отец возвращается из заключения. Такой пир устроили! Горели костры во дворе, много всего готовили. И много людей пришло, когда он появился. Я запомнила его очень серьезным, в тюбетейке. Только недавно от мамы я узнала, что они были узбекские татары. Еще до этого хозяйка и ее дочка Хамро заболели тифом. Их побрили наголо, а у них были очень длинные волосы. После выздоровления Хамро (ей было 18 лет) ускоряла рост волос тем, что накладывала на бритую голову свежий коровий навоз и сидела так долго на солнце, а потом мыла голову водой с простоквашей. Она говорила, что по-русски ее звать Катей, и уже работала учительницей в начальных классах. А я дружила с младшей ее сестрой - Санталат. Часто можно было увидеть, как по улице верхом на осле едет женщина в парандже, обычно это были пожилые женщины. На улице женщины ходили, прикрывая лицо платком, и отворачиваясь в сторону от мужчин. Были всегда в шароварах, теплой зимой на босу ногу надевали резиновые галоши.

Мы всей семьей переболели там малярией и болезнью глаз. Говорили, что глаза болят в период цветения хлопка. Сильнее всех болели глаза у маленького сынишки тети Наты - Вити. В разгар болезни они у него были закрыты и он ничего не видел. Поскольку он почти полдня оставался один дома, пока я была в школе, мы ему делали постель на полу, чтоб он не упал с кровати, и ставили рядом еду. Недалеко ставили и горшок. Мама работала рядом с домом и прибежала его проведать, пока я не приду. А малярией тяжелее всех переболела мама. У нее была т.н. тропическая малярия с высокой температурой, когда ее периодически сильно трясло и она бредила. Лечились от малярии хинином и акрихином, отчего кожа у нас пожелтела. А зубы чистили мылом, пасты и порошка не было. Жевали своеобразную жвачку - белую или желтую смолу и черного цвета вар.

В воинской части показывали на открытой площадке кинофильмы и детей пускали бесплатно их смотреть. Тогда были, в основном, веселые киножурналы про то, как мы справляемся с немцами. Уже тогда народ напевал любимую "Землянку". Я всегда с собой в кино брала и маленького Витю. К Вите я очень привязалась, жалела его, когда он болел, ему было всего два годика. Однажды я даже набросилась на его маму, свою тетю, за то, что она его побила. Я ее оттолкнула, схватила на руки Витю и убежала с ним на улицу. Правда, он не слушался ее, норовил все поймать возле арыка маленьких ужей (а, может быть, это были ядовитые змейки).

Несколько раз мы ходили пешком в Самарканд, Витю несли на руках по очереди. Запомнился красивый старый город, туда мы ходили на базар. Произошел однажды интересный случай, когда мы в Самарканде ехали в трамвае, я услышала разговор двух мужчин, которые говорили о моем отце. Оказалось, что это были наши земляки, они знали отца по работе. Было радостно и приятно услышать в такой обстановке о родном тебе человеке. Как-то во время одного из походов в Самарканд перед возвращением домой в кишлак мы расположились отдохнуть на лавочке в сквере недалеко от вокзала, потому что у мамы начался очередной приступ малярии. Она сняла кожаные тапки, в которых мы все тогда ходили, и прилегла на скамейку, положив голову тете на колени. Я сидела рядом. Тут подошел мальчишка лет двенадцати и стал расспрашивать тетю, как ему куда-то проехать. При этом подозрительно тянул время и задавал слишком элементарные вопросы. Тетя сначала ему отвечала, а потом сообразила, что здесь что-то неладное. Тут и больная мама догадалась и говорит: "Посмотри тапки!" Мы оглянулись назад и увидели, что по траве к нашей скамейке подползает другой такой же мальчишка, чтоб стащить мамину обувь, а этот просто отвлекал наше внимание. Их операция вовремя была сорвана, а то пришлось бы маме идти домой босиком.

Когда наши войска взяли Ростов, тетя Ната рвалась ехать домой в Ворошиловград, очень просила маму ее отпустить, даже стала перед ней на колени и крестилась. Но вскоре Ростов сдали.

Мимо нашего двора проходила дорога, покрытая толстым слоем пыли. Часто на ней можно было увидеть след от проползшей змеи. По дороге иногда шествовал караван верблюдов. Погонщики всегда останавливались возле нашей чайханы попить чаю - она была рядом с нашим двором, хозяином ее был бородатый Бозор-ока. Пили зеленый чай (кок-чай) из пиал, сидя на коврах на полу. Вместо сахара - курага и изюм. А мы применяли сахарин.

Несмотря на то, что рядом с двором шла дорога, двор не закрывался, даже калитки не было. В жаркое время мы спали во дворе, постель делали прямо на земле. Почему-то не боялись змей и скорпионов, хотя бывали случаи, когда поднимешь веник в углу комнаты, а под ним сидит скорпион. Считалось, что их надо сажать в стакан с небольшим количеством растительного масла и они тогда сами себя убивают. Больше мы боялись, чтоб не появились пауки фаланги, которых местное население считало ядовитыми, но я их так ни разу и не увидела.

Однажды тетя Ната принесла из воинской части книгу "Рассказы майора Пронина". Она стала моей любимой книгой, я ее знала почти наизусть. Теперь, когда слышу анекдоты о майоре Пронине, с гордостью вспоминаю, что познакомилась с ним еще в 10-летнем возрасте.

Не обошло нас и печальное событие - вместе с радостью по случаю освобождения Ворошиловграда от немцев пришло нам от отца трагическое сообщение о гибели его младшего брата Виктора, комиссара "Молодой гвардии" в Краснодаре, казненного фашистами вместе с другими молодогвардейцами. Мама вспоминает: "Когда мы прочли это, то стали так кричать и плакать, что хозяйка-узбечка сообщила всем соседям, и те сбежались к нам. Это были и узбеки и русские, они нам очень сочувствовали. Узбечки говорили, что "Мария-хон получила извещение". Они считали, что пришла похоронка на мужа". А ведь Виктор перед оккупацией Ворошиловграда направлялся к нам в Узбекистан, мы его ждали, но в

пути он передумал, когда в Куйбышеве услышал по радио о разгроме немцев под Москвой, и вернулся домой - можно сказать, навстречу своей гибели.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда я начала учиться в 6-м классе осенью 1943 г., мы стали собираться в дорогу, домой. По глиняной стене, которой был огорожен двор (она называлась "дувал"), нервно бегал то в одну, то в другую сторону наш полосатый кот, чувствовал, что мы уезжаем и его бросаем. У мамы был как раз приступ малярии с высокой температурой, она кое-как сдала дела в магазине и так торопилась, что уехала, забыв взять нужные ей документы. Из обратной дороги вспоминается, как около какого-то озера, а, может быть, Аральского моря, к поезду подходили казахи и меняли соль на фрукты - ведро соли за два крупных яблока. Все в поезде набирали много соли и рассуждали о том, что поезд стал теперь намного тяжелее.

Приехали в Ворошиловград и долго не выходили из вагона, ждали, когда за нами придет папа. Он вошел в вагон очень энергичный, в кожаном пальто и зимней каракулевой шапке. Привез нас в новую квартиру на 3-м этаже дома на углу улицы Ленина и 7-й линии. Мы поднимались по лестнице в темноте, как раз отключили электричество. На площадке 3-го этажа стояла бабушка Мотя со свечой в руках и заливалась слезами. Воды в этой квартире не было, приходилось носить в ведрах из колонки на улице. Во дворе находился сарай с углем, и уголь тоже нужно было таскать в ведрах на третий этаж. Тетя Ната начала работать в ремесленном училище, преподавала русский язык и литературу. Приносила домой много тетрадок для проверки. Я очень любила проверять диктанты, исправляла ошибки красным карандашом. Тетя мне доверяла.

Вскоре к тете стал заходить Феликс Никитич Бадаев со своей 8-летней дочерью Светой. История их знакомства такая: тетя Ната познакомилась с ним, когда училась в пединституте. Дядя Феликс старше тети на 7 лет, он уже работал. Вскоре он сделал ей предложение и они в какой-то деревушке расписались. Однако чуть ли не через день он устроил ей скандальную сцену ревности прямо в институтской столовой. Это так подействовало на тетю, что она решила расстаться с Феликсом. Вместе с факультетом ее перевели в Николаев, а дядя Феликс женился. В 1936 г. у него родилась дочь. Тетя Ната в Николаеве тоже вышла замуж в 1938 г., а в 1940 г. родился сын Витя. Вскоре жена у Феликса умерла, а тетя Ната после эвакуации не вернулась к своему мужу в Николаев - не могла простить его за то, что он оставил ее с маленьким ребенком на руках в момент эвакуации. И вот в 1944 г. тетя Ната и дядя Феликс снова встретились и тут уже не расставались до самой смерти. Дядя был партийный работник, работал секретарем обкома в Николаеве и в Сумах. В 1948 г. у них родился сын Володя, который стал, как и его старший брат Витя, военным, проработал всю жизнь на ответственном участке на Байконуре, имел отношение к запуску всех наших космических кораблей.

Я продолжила учебу в 6-м классе во 2-й школе, которая тогда помещалась в небольшом доме, т.к. настоящее здание школы было разрушено при бомбежке.

В это время впервые мы попробовали деликатесы из американских подарков, особенно нам нравился плавленый сыр в больших консервных банках. Почему-то

нам казалось, что его надо есть, добавляя в стакан с чаем, что мы и делали. Он там растворялся и придавал особый вкус чаю.

Папа тогда работал 2-м секретарем горкома партии, первым был Стеценко Степан Емельянович. У него на кителе красовался орден Красной Звезды. Он бывал у нас в гостях, они с папой постоянно вели разговоры о том времени, когда были в партизанах. Обсуждали судьбу папиного отряда, где командиром был Яковенко, который погиб в неравном бою с немцами. Много говорили и о судьбе младшего брата отца Виктора - молодого гвардейца. Стеценко и после перевода его на работу в Киев оставался другом нашей семьи. В своем письме нам от 25 октября 1985 г., уже после смерти отца, он о нем пишет: "Да, мы с ним были и товарищами по оружию в годы войны и соратниками по партийной работе в освобожденном Ворошиловграде. На наши плечи пришлось большая доля восстановительных трудностей. Все годы мы были с ним близки как братья".

Закончить 6-й класс мне здесь не удалось, т.к. папе пришлось менять работу и место жительства. Были очень тревожные дни и ночи, когда ожидали бюро обкома партии, где должны были разбирать моего отца в связи с клеветой на его брата Виктора, а также в связи с разгромом партизанского отряда, комиссаром которого был отец. Партийные чиновники, которые благополучно отсиделись в тылу, на бюро критиковали деятельность отряда и, учитывая клевету на брата, как на предателя "Молодой гвардии", отстранили отца от должности секретаря горкома и, вообще, от партийной работы. Направили его на торговую работу в трест "Ворошиловуголь" в город Паркоммуну (сейчас Перевальск). Это был маленький зеленый шахтерский городок недалеко от города Ворошиловска (Коммунарска). Мне он очень нравился. Жили мы там сначала в квартире, а потом в отдельном доме, окруженном сиренью. В доме было 4 комнаты, но как-то это не чувствовалось, потому что по две комнаты были смежные, и каждая к тому же имела выход в общий коридор. А поскольку в доме имелось еще два входа - парадный и во двор - то одних дверей только насчитывалось четырнадцать штук, учитывая кухню и ванную. Рядом, через дорогу был парк и клуб, куда я с подругами ходила в кино и на эстрадные концерты. Здесь я увидела первый раз "Серенаду солнечной долины", и поразились тому, как, оказывается, можно кататься на коньках. А вообще, нам этот фильм показался очень смешным, и мы с подругами часто хохотали во время сеанса. В подвальном помещении клуба размещалась биллиардная, папа ходил туда играть.

Конечно, в связи с клеветой на брата-молодогвардейца, как рассказывает мама, на нашу семью упала тень и появилось недоверие к отцу. Некоторые из близких довоенных друзей от нас отвернулись, но большинство из них сочувствовали нам и поддерживали. Секретарь обкома партии по пропаганде Шевчук Н.С., хотя и выступил на бюро с критикой отца и его отряда, продолжал с ним встречаться и даже приехал в Паркоммуну с подарками, когда родился мой брат. А я запомнила, как в один из его приездов мы с папой поехали с ним в машине в Краснодар, по пути они обсуждали разные вопросы. Я слышу, как Шевчук, который сидел рядом с шофером, полуобернувшись к нам, говорит папе: "Не знаю, что делать с Репиным. Ну, когда речь идет о Пушкине, тут знаешь, о чем говорить, но что можно сказать о Репине?". Мне запомнился этот случай, наверное, потому, что я тогда (мне шел 14-й год) удивилась этим словам и подумала: "Почему о Репине нечего сказать. А "Бурлаки"?". Уже сейчас я поняла, почему шла речь о

Репине - в 1944 году исполнялось 100 лет со дня его рождения и секретарь по пропаганде беспокоился, как отметить эту дату.

В 1944 г. меня приняли в комсомол, я переживала, что могут не принять, т.к. мне еще не исполнилось 14 лет. Я очень хорошо подготовилась, благодаря папе знала сведения о всех фронтах и их командующих, тогда задавали такие вопросы при поступлении в комсомол. Принимали в комсомол в горкоме в Ворошиловске, куда все будущие комсомольцы отправились из Паркоммуны пешком. Номер своего комсомольского билета запомнила на всю жизнь - 16513707. Жалко было с ним расставаться, когда в конце 50-х производили обмен билетов.

Училась я в школе в одноэтажном здании, а в бывшем большом здании школы располагался госпиталь, куда школьники регулярно ходили и давали концерты раненым, в том числе и я. Со школьной подругой Лидой Цыганковой мы придумали собирать пух с разных трав для подушек раненым. Набрали уже довольно много, когда мама нас остановила, сказала, что пух поломается и будет колотиться.

Однажды мама дала мне нож и сказала, чтоб я нарезала в саду вишневых веток для соленья. В огороде стояла засохшая кукуруза. Я представила, что это фашисты, и начала направо и налево рубать их ножом. В результате со всей силы ударила себя по ноге и окровавленная побежала в дом. Шрам на ноге виден до сих пор.

ПОЕЗДКА В ХЕРСОН

Во второй половине июня 1944 г. папа взял меня с собой в Херсон. Это была поездка шахтерской делегации к своим шефам. В домашнем архиве хранится документ, связанный с этой поездкой:

Наркомиссариат
угольной промышленности
14 июня 1944 г.
№ 01/200

Удостоверение

Тов. Третьякевич М.И. является руководителем делегации треста "Ворошиловуголь" комбината "Ворошиловградуголь", направляющейся в Херсонскую область УССР для разработки практических вопросов шефства Херсонской обл. над трестом "Ворошиловуголь".

Состав делегации: т.т. Хаустов Г.П., Головнев Н.А., Кураева А.Ф., Витвицкий Е. А.

Просьба ко всем партийным, советским, хозяйственным и военным организациям оказывать тов. Третьякевичу М. И. всемерное воздействие в успешном выполнении возложенного на него задания.

Секретарь Ворошиловградского Обкома КПБУ А. Гаевой
Зам. Нар. Комиссара угольной промышленности СССР К.Поченков

В составе делегации было только двое шахтеров - молодые девушка и парень. На вид они были очень невзрачные, хрупкие и бледные. Мы погрузились в открытую полуторку и поехали. Первую ночевку провели на шахте Рутченковка. Поздно, дождливым вечером попросились ночевать в хату на окраине поселка. У хозяйки был угрюмый и изможденный вид. Я и девушка из нашей делегации начали чистить картошку на ужин и получили сердитое замечание хозяйки, что очень толсто срезаем кожуру.

Стояло жаркое лето, мы ехали по проселочным дорогам вдоль желтеющих полей. Иногда папа меня сажал в кабину, а сам залезал в кузов. Тут я узнала, какой симпатичный парень наш шофер, он развлекал меня тем, что пел смешные песенки, которых я не знала. Перед мостом через Днепр около Запорожья устроили привал, пели песни "Я уходил тогда в поход, в далекие края" и "Прощай, любимый город". Папа любил песню Захарова "Уходили в поход партизаны", а меня все просил спеть "Играй мой баян". Плотины были разрушены, деревья на берегу стояли все обгоревшие, выделялись их корявые черные вершины. Мужчины говорили, что это после "катюш".

В Херсоне главным событием была встреча с дважды Героем Советского Союза, руководителем партизанского движения Федоровым Алексеем Федоровичем. Он тогда работал 1-м секретарем Херсонского обкома партии. С ним велись переговоры нашей делегации о помощи в снабжении шахтеров сельхозпродуктами и, в частности, мукой. Переговоры велись, конечно, без меня. Но я участвовала в развлекательных мероприятиях. На катере вместе с Федоровым А.Ф. переехали на другой берег Днепра, где под большим деревом устроили уху. Федоров выглядел очень эффектно - красивое лицо, густые черные усы, белая шелковая вышитая рубашка. Разливали выпивку по стаканам и сам Федоров налил мне полный граненый стакан водки. Я не знала, как мне поступить, думала, что если не выпью, то обижу знатного человека, а папа был занят разговором и на меня не обращал внимания. Не знаю, как я вышла из этого положения, но переживания свои помню хорошо.

Вечером наша делегация ходила в музыкальный театр на спектакль на украинском языке "Ой не ходи, Грицю, тай на вечерницю". На улицах Херсона цвели и очень пахли липы, тротуары на центральной улице выложены красивыми плитами. На следующий день Федоров пригласил нас к себе домой. Он жил в двухэтажном особняке, который располагался во дворе за забором. У входа во двор стояла охрана. В большом зале на 2-м этаже - много окон, довольно свободно, стоит рояль, накрыт большой стол. Под музыку танцевали. Папа с женой Федорова танцевал польку.

По программе предстояла поездка на море в город Скадовск. Там я с папой жила в квартире одинокого секретаря горкома. Днем оставалась одна и мне нравилось в пустынной хорошей квартире проводить время. В шкафу стояли красивые интересные книги, на кухне на столе лежали пирожные, приходила женщина в рабочем халате и проводила уборку квартиры. Вечером я с папой присутствовала на чествовании экипажа самоходной баржи, бывшей немецкой. Экипаж выстроился на берегу, папа и местное руководство принимали рапорт, а потом по трапу ходили на баржу, которая стояла около берега. Потом нас посадили на катер и мы совершили прогулку по морю. Я, конечно, боялась и сидела,

сжавшись сзади на дне катера. И тут вдруг я увидела, что на корме катера сверху шевелится много раков. Где их выловили - не знаю, но, наверное, не в море. Я решила их спасти и стала незаметно, чтоб не видел матрос, который сидел рядом со мной, кидать по одному в воду. Пока проходила прогулка, я всех раков выбросила. Сумели ли они выжить в соленой воде? С моря красиво смотрелось на берегу белое здание с колоннами, частично разрушенное войной - бывший санаторий или дом отдыха. Его еще не успели восстановить.

Наша поездка в Херсон подошла к концу. Папа был доволен результатами, а я впечатлениями. Каждый член делегации получил в Херсоне в подарок по мешку муки. В Паркоммуну возвратились поздно вечером. Мы с папой поднялись по ступенькам, постучали. Дверь открыла мама. А через два месяца, на Успенье, родился мой братик, которого назвали в честь дяди-молодогвардейца Витей.

"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

Вся жизнь нашей семьи после освобождения Ворошиловграда от немецкой оккупации связана с судьбой младшего брата отца - Виктора - комиссара подпольной организации "Молодая гвардия" Краснодона. Там 15 января 1943 г. его казнили фашисты вместе с другими молодогвардейцами, но после смерти он был оклеветан и на 16 лет вычеркнут из рядов молодогвардейцев. Мой отец и его средний брат Владимир много потратили сил и нервов для восстановления честного имени младшего брата и его истинной роли в подпольной организации. Они, а впоследствии и мой брат Виктор, собрали много материалов, касающихся Виктора - молодогвардейца: вырезки из газет, книги, воспоминания учителей, а также родителей его товарищей. В книге "Повесть о братьях Третьякевичах" я попыталась рассказать о судьбе дяди Виктора, используя эти материалы. Позднее я обнаружила еще ряд документов, писем, воспоминаний, статей, архивных материалов, о которых хочу рассказать. Логично было бы включить их в первую книгу, но она уже вышла. Конечно, мне не удалось здесь избежать повторений.

Известно из результатов работы многочисленных комиссий, что комиссия по расследованию деятельности "Молодой гвардии", возглавляемая в 1943 г. от КГБ Торицыным А.В., сделала поспешные непроверенные выводы и объявила Виктора Третьякевича предателем, а комиссаром назвала Олега Кошевого (об этом я подробно написала в своей книге). Оставшихся в живых молодогвардейцев заставляли высказываться о Викторе и Олеге так, как об этом сказала комиссия Торицына, а впоследствии и Фадеев в своем романе. И некоторые из них под нажимом изменили свои первоначальные высказывания. Это прежде всего Валя Борц, которая прямо на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ отказалась от своих письменных показаний, подтверждающих деятельность Виктора, как комиссара, накануне данных ею Владимиру Третьякевичу, чем сильно его подвела (напомню, что Владимир обратился в ЦК ВЛКСМ с заявлением, в котором критиковал работу комиссии Торицына, приводил высказывания некоторых молодогвардейцев и многих родителей, с которыми он специально встречался, пытаясь восстановить честное имя своего брата Виктора). Тогда ее можно было понять - не могла комсомолка, еще практически девчонка, идти против руководства комсомола и

против указаний КГБ. Но вот значительно позднее она могла бы сказать правду, ту, что писала в показаниях Владимиру Третьякевичу, но она этого не сделала. По-видимому, уже привыкла к новой роли, стала близка с Кошевой Е.Н., да и не хотелось, конечно, разрушать такой красивый миф, какой создал в своем романе Фадеев А.А. В объяснительной записке секретарю ЦК ВЛКСМ Шелепину А.Н. от 30.12.44 г. В.Борц отказывается от слов, данных Владимиру: "Прочитав материалы тов. Третьякевича, я поступила неправильно, сказав, что там есть правда, я выразилась не так, как бы следовало. Все, что написано в материалах, собранных Третьякевичем, я подтвердить не могу, т.к. это не соответствует действительности. Я поступила опрометчиво, сказав, что признаю его материал. Утверждение, что якобы Олег Кошевой не был организатором неправильно, т.к. он был комиссаром и секретарем комсомольской организации...Многого я сама не понимала, поэтому то, что мне дали направление моего выступления по радио, я поняла превратно и сказала в Вашем кабинете, что меня заставили. Мне просто дали нить и я выступила, сообразуясь с этой нитью" (ЦХДМО ф.1, оп. 53, д. 339). Наверняка, Борц это писала с чьей-то помощью, под диктовку. Можно пожалеть и посочувствовать и ей и другим, попавшим в этот переплет.

Как я уже писала, на Бюро ЦК ВЛКСМ Владимира Третьякевича за критику работы комиссии Торицына в связи с отстаиванием чести брата Виктора, осудили, как клеветника на Олега Кошевого и рекомендовали рассмотреть его в партийном порядке в Главном политуправлении РККА. В результате появился документ Партийной комиссии при ГлавПУ РККА. В нем в частности говорится: "т. Третьякевич встал на непартийный путь, т.е. без всяких оснований и специальных на то указаний поехал в г. Краснодар и с целью реабилитации своего брата Виктора собрал ложные материалы против некоторых ее членов и ее руководителя Героя Советского Союза Олега Кошевого, о чем написал заявление, идущее вразрез с документами, собранными специально выделенной комиссией". Владимиру объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку.

После встреч с Первым секретарем ЦК ВЛКСМ Михайловым Н.А. и зав.военным отделом Шелепиным А.Н., Владимир, как член партии и комсомольский работник в армии, верящий своим идейным руководителям, не мог идти против них и вынужден был под их давлением отказаться от своей критики комиссии Торицына. Однако при этом в объяснительной записке Шелепину он настаивает, что в материалах комиссии по деятельности Виктора имеются неясности, что "заявление о том, что он (Виктор) при пытках дал показания, есть заявление предателей "Молодой гвардии", которые, стараясь выгородить себя, чернят других. Прошу рассмотреть мой приезд в Москву и мое заявление как сигнал в ЦК ВЛКСМ для принятия мер по устранению противоречивых толкований со стороны участников "Молодой гвардии" и семей молодогвардейцев". Под нажимом руководства комсомола отказывались от своих первоначальных показаний многие молодогвардейцы. В своей книге "Повесть о братьях Третьякевичах" я привожу слова члена "Молодой гвардии" Ольги Иванцовой Владимиру Третьякевичу от октября 1944 г., когда она подробно рассказывает о деятельности Виктора как комиссара организации, но известно, что позднее она стала все это приписывать Кошевому. Когда мой отец на одной из встреч спросил ее, почему она изменила свое мнение, она ответила с намеком: "Сказала б и сейчас так же, если бы не одно "но".

Ее двоюродная сестра Нина Иванцова входила в пятерку Кошевого и, возможно, поэтому считала его комиссаром. Брат Нины - Ким Иванцов - поддерживает свою сестру, а также В. Борц и Е.Н. Кошевую. В 1996 г. он издал в Луганске книгу о "Молодой гвардии", где считает, что наиболее полно и правдиво о ней сказал в своем романе Фадеев. Когда я увидела эти строки в его книге, мне расхотелось ее читать. Можно хвалить роман Фадеева как художественное произведение (он действительно талантливо написан), но считать его достоверной историей - нет и еще раз нет! Кстати, Ким Иванцов учился в Краснодоне в одной школе с Виктором. В газете "Октябрьский гудок" от 12 сентября 1963 г. есть его воспоминания о нем. Приведу отрывки:

"Хочется отдельно рассказать о Викторе Третьякевиче. Он был секретарем комсомольской организации в школе, руководил струнным кружком, а летом в пионерлагере работал вожатым. Виктор заметно выделялся среди сверстников своими суждениями, дисциплиной, опрятностью. Он страстно любил музыку, историю, живо интересовался международной жизнью. Одной из главных своих обязанностей он считал шефство над теми, кто нарушал дисциплину. Неприятно об этом вспоминать, но его подшефными были и мы с Сергеем Тюлениным.

Моя сестра много рассказывала мне о работе Виктора в подполье, о его выдержке и бесстрашии, о роли, которую он сыграл в "Молодой гвардии". Но многое тогда было неизвестно, и в силу этого ни она, ни другие оставшиеся в живых молодогвардейцы не могли понять, за что на их товарища лег такой позор. Да, его подвергали особенно тяжелым истязаниям, подвешивали за ноги к потолку, ломали пальцы, жгли каленым железом. 16 лет на честном комсомольце-патриоте, первом комиссаре "Молодой гвардии" висело тяжелое обвинение в предательстве. Его имени не было в Указе, двадцатилетие которого в эти дни отмечает советский народ. Только четыре года назад, когда специальная комиссия Ворошиловградского обкома партии изучила материалы о гибели "Молодой гвардии", удалось установить непричастность Виктора к провалу подполья. Было не только полностью реабилитировано имя Виктора, но и признана его видная роль в создании и руководстве "Молодой гвардии". Ким Иванцов.

В первой книге я приводила много высказываний о Викторе его школьных учителей. Хочу здесь поместить еще некоторые выдержки из их воспоминаний, которые дополняют биографию Виктора.

Овчарова Е.Х.: "Витя брал книги для чтения в двух библиотеках - в школьной и в клубе им. Горького. Обладал большим запасом слов, писал хорошо сочинения, пользовался большим авторитетом среди учащихся и учителей, стоял на голову выше своих товарищей, всю свою работу он планировал. Сразу было видно, что у него вырабатывается черта человека нового времени".

Щербакова К. А.: "Бывают люди, встречи с которыми в жизни надолго запечатлеваются в памяти и появляется хорошее чувство по отношению к ним. Знакомство с Витей Третьякевичем оставило во мне глубокий след. Я преподавала русский язык и литературу. Лучшим учеником был Витя. Как-то я присутствовала на городском комсомольском собрании, которое проводилось в школе им. Горького. Выступали комсомольцы от многих школ. Там его выступление отличалось от других. Перед нами стоял уже взрослый юноша, своими ораторскими

способностями, политическим развитием он производил большое впечатление на слушателей. Я подумала: "Какой хороший человек вырос из этого мальчишка ". Наступило тяжелое время войны с фашизмом. Донбасс, в том числе и Краснодар, были оккупированы. Я тогда жила в поселке Изварино в 12 км от Краснодона, куда зимой часто ходила на базар, чтобы купить или выменять на свои вещи хлеба или муки. С рассветом старалась я идти в Краснодар. Однажды между Власовкой и Изварино вижу: по дороге идет Витя. Он со мною поздоровался. Одет он был не так, как прежде - старая брезентовая спецовка, такие же брюки, старенькая кепка, грубые ботинки. Он шел по направлению к Власовке, а я к Краснодону. Подобные встречи у нас повторялись несколько раз в одни и те же часы утром, примерно часов в восемь. Мне хотелось его спросить, куда он идет, но я постеснялась. Видно, ходит в деревню на заработки - думала я. Позже, когда я узнала, что с ним произошло в это время, то думаю другое. Вероятно, он вел партизанскую работу за пределами Краснодона. Личность его навсегда осталась у меня в памяти, как человека талантливого, делового, храброго".

Буткевич А. А.: "Преподавая украинский язык и литературу в 8 - 9 классах, я обучала и Витю Третьякевича. Он строго относился к своим обязанностям ученика, мог самостоятельно находить красоты литературного произведения. Он мог организовать коллектив на борьбу за честь класса, за честь школы".

От себя добавлю, что Витя любил украинский язык, не расставался с "Кобзарем" Шевченко.

В одном из рассказов о своих учениках учительница Киреева А.Н. описывает случай, как во время работы в колхозе девушки сплели венок из колосьев и надели на голову Виктору, сопровождая это сочиненной тут же красивой песней. Свой рассказ о Викторе она назвала "Ему наш из колосьев золотой венок".

Когда я училась в 10-м классе 7-й школы, учителем математики был Михаил Сергеевич Ермаков, у которого в 1942 г. учился и Виктор. Тогда, перед оккупацией, мой отец перевез своих родителей из Краснодона в Ворошиловград, и Виктор заканчивал 7-ю школу в Ворошиловграде. После освобождения города, Ермакова по поводу Виктора вызывали в НКВД, о чем он пишет в своих письмах в 1965 г. из Ленинграда, где он тогда проживал. В нашем архиве есть три его письма. Интересно прочитать в них о самом Ермакове. Нашему классу он преподавал математику только один год, но какой это был учитель! По знаниям, по манере преподавания, по эрудиции он очень отличался от других учителей. Мы, учащиеся 1947-48 гг., не подозревали, что у него было боевое прошлое, наверное, об этом знали его довоенные ученики. Привожу выдержки из писем Ермакова М. С.:

" Меня ученики уважали не только как учителя, но и как бывшего буденновца, который защищал революцию. А в рядах партии я не состоял только потому, что у меня был репрессирован брат (два-три года тому назад коллегия его оправдала, но поздно - он погиб на севере. Его жене выдали двухмесячную компенсацию). Почему я оказался в оккупации? Я работал завучем института усовершенствования учителей. Вместе с семьями эвакуироваться нас с директором не пустили, назвали дезертирами. Потом нам поручили вывести два детских дома, но было уже поздно, мы дошли до Ростова и попали к немцам. Немцы нас отправили обратно на место жительства, но без детей... Виктор Третьякевич учился у меня в 10-м классе, был одним из лучших учеников и, вообще, был толковый парень. Во время оккупации я

Виктора встречал в городе раза два. Первый раз он просто передал мне, что все ученики довольны тем, что я не работаю при немцах учителем, а устроился чернорабочим на завод. А после я встретил его, когда он шел с рацией в руках. Я, признаваясь, был встревожен, что его могут на улице арестовать. Я ему сказал: "Будь осторожен". Он ответил: "Ничего, мы еще повоюем". Я - ему: "Тише, тише. Как бы не накликать беды". Он ответил: "Да, пожалуй, верно, сейчас много оказалось всякой сволочи". Спросил мой адрес, я ответил и прибавил - места хватит, если нужно будет переночевать. Он сказал, что, может быть, и придется. А у меня было безопасно. Я прятал от фашистов врача Липкину, еврейку, она и сейчас мне шлет благодарности.

Ведь меня три раза вызывали в Госбезопасность по поводу Виктора. Первый раз (это было в 1948-49 гг.) вызвали в обком партии. Встретил меня полковник госбезопасности. Спросил

- У Вас учился Виктор Третьякевич?

- Да, у меня.

- Как он учился?

- Учился хорошо.

- А вел себя?

- И вел себя прекрасно.

Спросил о его товарищах, о работе в комсомоле. Я дал положительную характеристику Виктору. А потом и говорит:

- А Вы знаете, что он оказался предателем?

- Нет, не знаю.

- Вот видите, кого Вы учили. Вы воспитали предателя.

Это было сказано в присутствии зав.школьным отделом обкома. Потом, когда облоно на меня писало наградные листы к ордену Ленина и званию заслуженного учителя, обком отклонил эти ходатайства.

Я рад, что один из первых дал положительную характеристику Виктору. Совесть моя вполне спокойна. Судьба многих моих учеников героична. Многие сложили свои головы. Но судьба Виктора особенно трагична. Человек для Родины и для партии готов был все сделать и делал все. И его ведь замучили в застенках гестапо. А он был обвинен в предательстве и это обвинение тяготело над ним, да и над нами, 16 лет. Вообще, писатель Фадеев, собирая материалы о "Молодой гвардии", спешил, многие факты у него изображены не так, как было. Так, по крайней мере, мне говорили бывшие молодогвардейцы и их родители, когда я был в Краснодоне". На этом заканчиваются воспоминания учителя Ермакова М. С.

Будучи комсоргом школы им. Ворошилова в Краснодоне, Виктор часто писал заметки в местную газету. В то время сотрудницей газеты была Лида Гусарева, будущая жена Владимира Третьякевича, но тогда еще не знакомая с ним. Познакомились они уже будучи на фронте, когда оказались в одной армии и встретились там, как земляки. Она училась в школе вместе с будущими молодогвардейцами - Субботиным, Загоруйко, Аней Соповой. Лидия Владимировна вспоминает о ней, как о хорошем человеке, красивой девушке; помнит и Виктора, аккуратного юношу, как он приходил в редакцию и приносил свои заметки.

"Нас много, - писал юнкор - и если каждый ученик посадит одно дерево возле своего дома, это принесет большую пользу". Сам он возле своего дома посадил белую акацию и кусты смородины. В другой статье в газете от 1 сентября 1940 г. он пишет о том, как прошло лето, когда он работал вожатым: "Его я провел в пионерском лагере, где хорошо и весело отдохнули, многому научились, приобретали там и трудовые навыки. В лагере читались лекции на разные темы - о Георгии Седове и Иване Мичурине, об Олего Дундиче и Александре Пархоменко, о Северном полюсе. Интересными и веселыми были экскурсии на пирамидную гору, на озеро, на левый берег реки Донец. Почти до полуночи не спали, ловили рыбу и потом готовили из нее уху. Интересно прошла спартакиада, в которой принимали участие около ста мальчиков и девочек. Дети прыгали, бегали, кидали гранаты, играли в футбол, волейбол. За время работы лагеря было выпущено 25 школьных газет. После отдыха возьмусь за учебу с новыми силами. В восьмом классе я соревновался с одноклассницей Галей Шляхтиной, оба мы получили похвальные грамоты. Сейчас я готовлюсь к отчетно-выборным сборам, надеюсь, что они пройдут на высоком политическом уровне".

В городе Суходольске, кстати, на улице Третьякевича, недалеко от Краснодона живет Антонина Герасимовна Титова. Ее в юношеские годы связывала большая дружба с молодогвардейцем Анатолием Ковалевым, который, как известно, сумел убежать из-под расстрела, но потом пропал без вести. Она практически тоже является молодогвардейцем, т.к. принимала участие в работе "Молодой гвардии", помогала писать и расклеивать листовки, знала многих молодогвардейцев, училась со многими из них в одной школе, в том числе с Олегом Кошевым. В бывшем архиве ЦК ВЛКСМ имеется запись беседы с членом "Молодой гвардии" В.Левашовым, где он говорит о Титовой: "Собирали шрифт. Очень помогла нам одна девушка, с которой дружил А.Ковалев, она нам дала сумочку с типографским шрифтом". На просьбу моего брата написать воспоминания о нашем дяде Викторе Титове откликнулась и прислала подробное письмо от 13 апреля 1989 г. Привожу его почти полностью:

"Уважаемый Виктор Михайлович! Наконец, могу Вам написать о Вашем дяде Викторе Третьякевиче. Не подумайте, что я не хотела сразу ответить. Беда в том, что в этом году мне очень нездоровилось.

Итак, о Викторе. Вспоминаю первую встречу с ним. Год 1940. Лето. Каникулы. Я возвращалась от своего отца, устала, зашла в столовую в поселке Изварино. Ко мне подсел юноша и, улыбаясь, сказал, что знает меня, т.к. не раз видел в Краснодоне. Оказалось, что он тоже из Краснодона, зовут его Виктором, а фамилия Третьякевич. Транспорта никакого не было и мы пешком пошли в Краснодон. Я к тому времени закончила 7 классов, он же был постарше, учился в школе им. Ворошилова, а я в школе им. Горького. Говорили мы обо всем, но больше о прочитанных книгах. Речь у него была прекрасная, остроумная, веселая. Выделялся высокий лоб, глубокосидящие глаза. Он казался мне взрослее, чем был на самом деле, чувствовалось, что он знает больше, чем я. А что я? Я была веселой, жизнерадостной девочкой, хорошо училась, участвовала в самодеятельности, но все это было еще по-детски. Витя был одет в серенький хлопчатобумажный костюм, ситцевую светлую рубашку, но все было чистое и аккуратное. После я виделась с

ним в Краснодоне много раз в городском парке. Когда началась война, я потеряла его из виду, по-видимому, его не было в Краснодоне. Снова я встретила с ним в октябре 1942 г., когда город уже был занят немцами. Ко мне домой пришли Анатолий Ковалев, Вася Пирожок, Миша Григорьев, с ними был и Виктор. Перед этим на базарной площади прошел парад донских казаков. Это событие мы обсуждали бурно, возмущались, что старые казаки, надев мундиры, штаны с красными лампасами, оголив шашки, демонстрировали свою готовность служить немцам. Виктор был более сдержан, хмурился, все думал о чем-то, лицо выражало озабоченность. Когда собрались ребята уходить, он спросил у меня, хочу ли я поступить в комсомол. Я удивилась - кто же меня примет сейчас в комсомол. Он улыбнулся и ответил: "Найдутся люди", а потом добавил - "подумай". Вот эти три слова - "найдутся люди" и "подумай" - я буду помнить всю жизнь.

В жуткие дни оккупации, когда, казалось, жизнь остановилась, он активно начал сплачивать молодежь, вовлекать ее в борьбу. Он оставался комсоргом в нашем городе. Дня через три Виктор принес мне текст листовки, прочитал и сказал, чтоб я написала как можно больше экземпляров, а Анатолий (он имел в виду Анатолия Ковалева, который являлся моим другом и который после побега из-под расстрела скрывался у меня) ночью разбросает их по базару. Начиналась листовка словами: "Прочти и передай товарищу!" И дальше о Сталинградских боях.

В дни оккупации Виктор заметно повзрослел. В его взгляде была воля и твердая решимость бороться не на жизнь, а на смерть с фашистами. На Шанхае Виктор имел колоссальный авторитет среди ребят. В шанхайских землянках жили Анатолий Ковалев, Василий Пирожок, Василий Борисов, Сергей Тюленин и многие другие, которые потом стали членами "Молодой гвардии". По словам Василия Пирожка, это была вольница, испытывавшая голод и холод тех лет.

Виктор был врожденный лидер. Поэтому он сумел сплотить вокруг себя не только своих сверстников, но и ребят гораздо старших, таких, как Василий Гуков, Евгений Мошков, Иван Туркенич. Своей энергией Виктор напоминал мне Кирова С.М. Будучи комсоргом школы, Виктор был связан с другими школами, а поэтому знал многих комсомольцев и учащихся старших классов. Когда я попала первый раз в дни оккупации в клуб им. Горького, я удивилась, увидев там много молодежи со всех концов города. Олег Кошевой не имел таких обширных связей со школами и по характеру был высокомерен. В клубе никогда не был, он не только не участвовал в кружках, но даже просто так ни разу не посетил его. А там кипела жизнь, активно работали кружки, туда тянулась вся молодежь, там был Виктор, там же давались задания молодогвардейцам.

В клуб им. Горького приходила девушка по имени Аня Сопова. Красивая, спокойная, две толстых русых косы спускались до пояса. Большие светлые глаза, нежная кожа и розовые губы - все, казалось, излучало свет. Не знаю, кто привлек ее в самодеятельность, но Аня и Виктор подружились. Пара была прекрасная. Виктор - это энергия, Аня - спокойствие. Они очень хорошо дополняли друг друга. Мы часто с Аней шли вместе из клуба домой, нам было по пути. С какой любовью она рассказывала о Викторе, о его порядочности, о том, как он нежно к ней относится. Я слушала и понимала, что эту пару судьба свела навек. На расстрел Аню везли вместе с Анатолием Ковалевым. Истерзанную и избитую, ее полуживую поставили спиной к шурфу, прикладом автомата ударили в грудь. Виктор погиб раньше Ани.

Когда поползли жуткие слухи о предательстве Виктора, мать Анатолия Ковалева первая начала писать во все края о том, что это ложь. Много лет Анастасия Григорьевна Ковалева с болью в груди о своем бесследно пропавшем сыне добивалась реабилитации Виктора Третьякевича. Ни на мгновение не усомнилась эта замечательная женщина в преданности Виктора делу, за которое он отдал жизнь. Анна Иосифовна Третьякевич и Анастасия Григорьевна часто встречались. Униженная, убитая горем гнулась до земли под тяжестью подлой и гнусной клеветы Анна Иосифовна. Мать Анатолия всеми силами своей мужественной и доброй души вселяла веру в маму Виктора. Она говорила, что придет тот день, когда грязное пятно будет смыто с имени Виктора. Через много лет день этот пришел, но подвиг Виктора раскрыт не до конца и не раскрыт тот, кому понадобилось, чтоб организатор и руководитель "Молодой гвардии" был объявлен предателем. Никакого Олега Кошевого нельзя поставить рядом с Виктором Третьякевичем.

На этом я заканчиваю свои небольшие воспоминания.

Антонина Титова".

В комсомольском архиве имеются воспоминания Титовой, написанные еще в 1943 г. Кто-то из "любителей" перекраивать историю вычеркнул в ее рукописном тексте те места, где она пишет о Викторе Третьякевиче и вспоминает несколько встреч с ним в оккупированном Краснодаре (примерно две страницы). В результате в чистовом напечатанном материале о Викторе нет ни слова, кроме даты его ареста. Титова пишет о своих друзьях-молодогвардейцах Ковалеве и Григорьеве, об их вынужденной недолговременной службе в полиции. Далее приведу то, что вычеркнула цензура: "В сентябре, приблизительно, приехал Третьякевич в Краснодар. Они (Ковалев и Григорьев) встретились с ним, как со старым товарищем-комсомольцем. Рассказали ему все об эвакуации, полиции. Виктор очень укорял их за эту халатность; говорил, что это пребывание в полиции позор и пятно на весь комсомол. Ребята понимали это и, чтобы скорее смыть грязное пятно, в деле хотели показать свою преданность. В ноябре месяце они стали прямыми участниками "Молодой гвардии". 22 ноября Третьякевич, Осьмухин, Григорьев и Ковалев пришли ко мне на квартиру. Долго мы говорили о настоящем положении населения оккупированных областей, о задачах молодежи в этой войне и о многом-многом другом, очень серьезном и важном. 29 ноября в 10 ч. утра мне с Анатолием поручено было написать листовки. Это первое прямое поручение мне. Здесь мы написали 40 листовок. Ночью все они были раскиданы и расклеены по городу. Утром население уже говорило об этих листовках. Все были возбуждены. В этот вечер пришло ко мне много товарищей, в числе их были Пирожок, Третьякевич, Осьмухин, Ковалев и др. Было как-то радостно оттого, что удалось заинтересовать, расшевелить хотя бы немного население.

14.12.42. В клубе Ленина во время сеанса Виктор сказал, чтобы я приходила часов в 10 утра в клуб Горького.

16.12.42. Я первый раз в клубе. В комнате, где намечались занятия, было много молодежи. Некоторых участников "Молодой гвардии" я увидела впервые, - Борц, Тюленина и др."

Далее идет не вычеркнутый текст:

"1.01.43. Арестовали Мошкова, Третьякевича и Земнухова.

5.01.43. Осьмухина и Пирожка.

15.01.43. Ночью все эти комсомольцы были расстреляны.

Состояние у всех стало очень угнетенным; не верилось, что таких людей, как Виктор, Женя, Ваня и др. нет уже среди нас...".

Да, как видно, цензура вычеркивала все, что хотя бы отдаленно говорило о руководящей роли Виктора.

О перекраивании истории "Молодой гвардии" говорит и заключение Всесоюзного НИИ судебных экспертиз от 28 мая 1991 г. (ЦХДМО, ф.1, оп. 53, д. 368д, л.1-2): " 16 апреля 1991 г. из архива поступили 4 временных удостоверения № 3, 4, 6,7 (Борц, Попов, Иванцова, Фомин)... Рукописные записи фамилии комиссара партизанского отряда подвергались изменениям путем подчистки. Выявить первоначальное содержание этих записей не представилось возможным ввиду интенсивности подчистки. Во временном удостоверении Иванцовой О.И. в месте расположения первой буквы читаемой записи фамилии комиссара Кашук (в скобках) выявлена буква "с". (По-видимому, это остаток от фамилии "Славин" - подпольной клички Третьякевича).

В Петродворце в настоящее время живет молодогвардеец, член штаба "Молодой гвардии", капитан 1-го ранга Василий Иванович Левашов. В свое время, за то, что он отстаивал истинную роль Виктора в истории "Молодой гвардии" вразрез с установленным мифом Торицына - Фадеева, его не представили к награде, когда награждали всех молодогвардейцев, и, вообще, первое время не упоминали в составе организации и штаба. С ним встречались, а также вели переписку мой отец Михаил Иосифович Третьякевич, его брат Владимир и мой брат Виктор. Когда их не стало, то я начала переписываться с Левашовым и получила от него несколько писем. Я ему очень благодарна за его письма, за то, что, несмотря на неважное здоровье, он постарался мне ответить. В письме от 27.02.98 он подчеркивает: "Комиссаром "Молодой гвардии" был действительно Ваш дядя Виктор Иосифович Третьякевич. Об этом же писал один из активных участников "Молодой гвардии" Георгий Арутюнянц в своей книге "Иван Туркенич", вышедшей в Киеве в издательстве "Молодь" в 1963 г." А мне здесь хочется добавить, что первое время Василий Левашов считался командиром "Молодой гвардии". В архиве ЦХДМО имеется документ - запись беседы с молодогвардейцем Арутюнянцем 21 марта 1944 г., еще по горячим следам, в котором он отмечает, что " Земнухов был начальник штаба, Третьякевич - комиссар, а Левашов - командир отряда. Кошевой и Туркенич пришли в отряд к 7 ноября". Тут я и вспомнила одну бабушкину фразу, которую тогда не приняла всерьез. Она рассказывала: " Сижу я во дворе, из хаты выходят Витя и Вася Левашов. Витя говорит - "смотри, мама, идут командир и комиссар".

В своем письме Левашов отвечает на мой вопрос об Ане Соповой: "Могу подтвердить, что с Аней Соповой Витя дружил и в период работы в подполье".

В апреле 1999 года я своими глазами увидела в партийном архиве Луганска комсомольский билет Виктора и две его записки из тюрьмы, одна потерялась. Когда-то они хранились у нас дома, а потом отец сдал их в обком. Потом они считались пропавшими, как и комсомольский билет. И вот я снова перечитываю эти записки, написанные простым карандашом на газетных клочках. На одной из записок половины написанного уже не видно, ведь прошло 56 лет. Вот их текст, который сохранился (ф.1790п, оп. 1, св. 7, д. 75, л.9):

"Здравствуйте, папа и мама.

Жив-здоров. Прошу передать мне ватные брюки и сапоги с портянками. Скоро увидимся.....Передайте привет ...и Нюсе Соповой."

" Здравствуйте, папа и мама.

Получили ли вы мои сапоги и брюки, которые я вам послал в обмен мне принесенным.... Принесите немного табачку и вазелину или цинковой мази. Привет Марусе, Нюсе Соповой. Целую Виктор".

Вспоминается рассказ бабушки Анны Иосифовны: " К нам часто приходила мать Любы Шевцовой Ефросинья Мироновна. Она однажды рассказала, как при оккупации у них собрались ребята и Виктор сказал что-то смешное, после чего Люба засмеялась, хлопнула его по плечу и говорит: "Вот рыжий!" Я ее спрашиваю - почему рыжий, ведь он русский. Люба говорит: " А я его так называю!" Он ее тоже называл как-то интересно, но я забыла как. А как с Васей Люба встретила (Левашовым) - кинулись друг к другу. Не могу прямо без слез вспоминать. Ой, как они вцепились друг в друга, радуются..."

Судьбой Виктора заинтересовались многие энтузиасты, которые самостоятельно занялись расследованием деятельности Виктора и много приложили сил для восстановления его честного имени. Это, прежде всего, Якимович В.П., Коваленко Н.И., Красюк В.М. и др. Они встречались с родителями и молодогвардейцами, обращались в разные инстанции, печатали свои рассказы о Викторе в местных газетах (Якимович - в Бресте, Измаиле; Коваленко - в Томске, Кировограде; Красюк - в Генической, Одессе). В материалах комсомольского архива имеется следующее письмо Якимовича:

"Председателю Президиума Верховного Совета СССР т. Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Товарищ Ворошилов!

28 июля 1959 г. в "Комсомольской правде" были опубликованы материалы о геройской гибели одного из организаторов и руководителей краснодонской "Молодой гвардии" Виктора Третьякевича.

Прошу Президиум Верховного Совета рассмотреть вопрос о присвоении ему высокого звания Героя Союза.

29 июля 1959 г. В. Якимович, инженер-механик".

С приятным удивлением в архивных документах я увидела знакомый почерк моего двоюродного брата Вадима Ильинского, который в октябре 1959 г. тоже обращался в ЦК ВЛКСМ по вопросу награждения Виктора. По этому же вопросу в апреле 1960 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов С. обращается в ЦК КПСС. В его письме говорится: "Вскоре после освобождения Краснодона Советской Армией был арестован один из бывших следователей Краснодонской полиции Н.Е. Кулешов, который в своих показаниях оклеветал многих членов подпольной организации, назвав их предателями, в том числе и Виктора Третьякевича. Затем вышел в свет роман А.А. Фадеева "Молодая гвардия". Созданный в нем образ предателя Евгения Стаховича портретно и биографически схож с В.Третьякевичем. Имя В. Третьякевича было вычеркнуто из списков молодогвардейцев. Учитывая заслуги Виктора Третьякевича в деятельности "Молодой гвардии" просим рассмотреть вопрос о его посмертном представлении к правительственной награде" (ЦХДМО, ф.1, оп. 53, д.339, л. 55).

Как известно, в декабре 1960 г. Виктор был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. В материалах ЦХДМО, касающихся встречи оставшихся в живых молодогвардейцев, приводится предложение Хорунжего В.В. от 17.05.88 (в то время заведующий Архивом ЦК ВЛКСМ), о присвоении Виктору Третьякевичу звания Героя Советского Союза, что вызвало бурную негативную реакцию В. Борца. (ЦХДМО, ф.1, оп.53, д. 368в, л.5).

Вопрос о более достойном награждении Виктора беспокоит молодогвардейца В. Левашова. В письме Владимиру Третьякевичу от 26.07.90 он пишет: "В июне я написал письмо в Луганский обком КПУ с просьбой внести изменения в экспозиции музея и назвать комиссаром "Молодой гвардии" того, кто им был в действительности, то есть Витю Третьякевича, и представить его к присвоению звания Героя Советского Союза. На свое письмо я получил предварительный ответ от Бураковского. Он написал, что только что избрали первым нового человека, который с историей "Молодой гвардии" еще не знаком. А после съезда будет создана комиссия, которая займется изучением вопроса. В общем, письмо ответное было доброжелательным...". А в киевской газете "Зеркало недели", 1998 г., Т. Юсова приводит один из выводов межрегиональной комиссии: " Войти с ходатайством в правительственные органы Украины о награждении организатора комсомольского подполья "Молодая гвардия" Виктора Третьякевича высшей наградой суверенной Украины".

Руководитель школьного музея Кировограда Николай Иванович Коваленко записал на магнитофон беседы со всеми родителями молодогвардейцев, написал большую повесть о Викторе "Во имя истины и чести", посылал рукопись на рецензию поэту Долматовскому Е.А. Преждевременная смерть в 1993 г. не дала ему выполнить многие его замыслы. Коваленко был очень активным, горячим человеком, преданным своей работе с пионерами и школьниками. Он руководил школьным музеем "Молодая гвардия" в Кировограде, много ездил по стране сам и вместе с ребятами. В один из приездов в Луганск на летних каникулах, он со школьниками пришел к нам и упрашивал мою маму и брата отдать им в музей большой и тяжелый бабушкин сундук. Ведь этот сундук еще до войны находился в хате в Краснодоне и, конечно, на нем не раз сидели друзья Виктора. Но мой брат и сам бережно относился к памяти дяди - молодогвардейца и пожалел отдать сундук, несмотря на активную просьбу Коваленко.

Мой отец уже в пенсионном возрасте много ездил по стране по приглашению школьных музеев с рассказами о младшем брате. Руководители музеев вели переписку с нашей семьей и, когда приезжали со школьниками на экскурсию в Краснодон, обязательно заходили и к нам в Луганске. Имеется много фотографий того времени. Пока была жива моя бабушка Анна Иосифовна, мать Виктора, она всегда принимала участие в этих встречах. До сих пор осталась связь с Коряковой Анной Ефимовной из школьного музея города Сарапула, с Дроздовой Лией Федоровной из города Щелково Московской области. У нас хранится прекрасный портрет Виктора, сделанный школьниками Сарапула из разных сортов дерева и подаренный отцу еще в 1979 г. А Лия Федоровна в письме в мой адрес в октябре 1998 г. пишет о моем отце: " В 1975 г. Михаил Иосифович был нашим гостем в школе, а жил целую неделю в моей семье. Можете себе представить, какие это были вечера, когда муж, сыновья слушали рассказы о партизанском отряде, подполье, о

Вите и о том, что ему и всей Вашей семье пришлось пережить. В нашем музее хранятся сапоги Вити, которые он снял после возвращения из партизанского отряда, т. к. у них отстала подошва. Мы их так и бережем, они будто до сих пор хранят тепло своего хозяина".

Много писал о Викторе корреспондент из Орла Лев Вайнштейн. Вот небольшой отрывок из его стихотворения "Подвиг стал его бессмертен":

Виктору Третьякевичу посвящается.

"Его пытали, жгли железом
Душили проводом и били
Из глаз его катились слезы,
Но дух бесстрашный не сломили.

Враг был жесток и был коварен,
Хотел родных сломить он волю,
Но вынес все донецкий парень
Не выдал он врагу подполья".

В журнале "Октябрь", № 2, за 1961 г. в связи с реабилитацией и награждением Виктора орденом Отечественной войны Сергей Смирнов напечатал: "Открытое письмо матери Виктора Третьякевича, первого комиссара "Молодой гвардии" города Краснодона, Анне Иосифовне Третьякевич

Разрешите Вас поздравить, Мама.
Нет, не Вам от горя падать ниц,
А из сердца, словно из романа,
Нужно вырвать горький ряд страниц.

Стала прахом злая похоронка,
Воссияли добрые дела.
Клевета взяла у Вас орленка,
Правда возвратила Вам орла!"

Из Запорожья преподаватель Панченко А.А. прислал в 1988 г. большое патриотическое стихотворение, посвященное Виктору, сочиненное им вместе с учительницей Бабенко З. на украинском языке и напечатанное в запорожских газетах: "Они живут, герои, с нами, пока нам светят звезды".

Широко освещала жизнь и подвиг своего земляка Виктора Третьякевича после его реабилитации пресса Курска и Курской области. На его родине, в селе Ясенки Горшеченского района, в мае 1965 г. был открыт ему памятник (бюст), как комиссару "Молодой гвардии". На открытии присутствовали молодогвардейцы В.Левашов, А. Лопухов и Р. Юркин, а также братья Михаил и Владимир с матерью Анной Иосифовной. На фотографиях запечатлен этот торжественный момент. На одном из снимков сидят рядом мать молодогвардейца с его первой учительницей Лящук. Известно, что впоследствии В.Борц через Андропова добилась того, что надпись на памятнике "комиссар" заменили на "член штаба". В мае 1999 г. мне

прислали письмо из клуба "Поиск" села Ясенки, в котором сообщают, что сейчас надпись на памятнике гласит: "Третьякевич Виктор Иосифович, 1924-1943, комиссар штаба Краснодонской подпольной организации "Молодая гвардия".

Сейчас появилась возможность познакомиться с материалами бывшего Архива ЦК ВЛКСМ, теперь это ЦХДМО - Центр хранения документов молодежных организаций. Сердце сжимается, когда читаешь показания родителей молодогвардейцев, написанные от руки еще в 40-е гг. и уже частично выцветшие. Меня потрясли воспоминания Марии Андреевны Борц, матери Валерии, написанные 15 июля 1943 г., о том времени, когда она сидела в полиции (ф.1, оп.53,д.329, л.48-52). Приведу выдержки:

"...Я решила лечь на пол, но я еще не успела уместиться, как услышала душераздирающие крики, затем были слышны глухие стоны. Я подошла к дверям, стала на колени и через замочную скважину стала наблюдать за коридором. По коридору пробежал полицейский с ведром в руках, скоро дверь кабинета открылась и на пороге, пошатываясь, появился Земнухов. Громовой голос орал: "Давай сюда Третьякевича!" "Третьякевича! Третьякевича!" - пронеслось по коридору. Где-то недалеко шелкнул замок и послышались шаги. В кабинет прошел Третьякевич. Снова были слышны удары плетей, лязг железа. По-видимому, били двое, так как удары были похожи на удары, производимые кузнецами, когда они бьют по наковальне: раз-раз, раз-раз, раз-раз! - доносилось из кабинета. Раздались протяжные и глухие стоны, затем они стали переходить в какое-то жуткое мычание. Слышны были и окрики Соликовского. Проходили минуты, а мне они казались вечностью. В коридоре суетились: пронесли шомпола, какие-то широкие ремни и веревки. Страшные вопли оглушили воздух. Я не выдержала, встала, отошла от дверей. В смежной камере "работал" следователь, оттуда также слышались стоны, крики, ругань, удары об пол. Вызывали снова Земнухова, Мошкова, Третьякевича и других и страшно издевались над ними. В голове проносилось: "Век инквизиции, век инквизиции в полной его красоте!" Наступила вторая ночь, она ничем не отличалась от первой..."

Прочитав эти строки, я подумала о комиссии Торицына, которая вынесла Третьякевичу второй смертный приговор, обозвав его предателем, - а имели ли вообще право эти люди, сидящие в шикарных кабинетах, в благоустроенной обстановке, не побывавшие и близко в подобных условиях, диктовать дальнейшую судьбу этих настоящих мучеников?!

М.А. Борц также пишет о том, что в ее камере сидела Люба Шевцова, которая "часто перестукивалась с Третьякевичем, применяя азбуку Морзе". Нужно отметить, что никто из сидящих в полиции родителей молодогвардейцев не говорил о предательстве Виктора (Борц, Тюленина, Левашов). Об этом говорили те, кто прошел "обработку" выше. В газете "Совершенно секретно" №3, 1999 г., в статье о "Молодой гвардии" Э. Шура есть такие слова: "Третьякевича сбросили в шахту живым, потому что он умудрился схватить следователя полиции Захарова и пытался утащить его за собой. Так что сами решайте, каким на самом деле был Виктор Третьякевич, о котором еще двадцать лет после казни ни один писатель не написал ни строчки".

В домашнем архиве сохранилось письмо моего дедушки Иосифа Кузьмича, которое он писал моему отцу, своему старшему сыну, в Ворошиловград вскоре после освобождения Краснодона. Приведу его с небольшими сокращениями:

" Дорогой Миша!

Как тебе известно, мы переживаем очень тяжелую картину гибели нашего дорогого Вити. Забыть очень и очень трудно, все время стоит живым в глазах. Мама совершенно стала неузнаваема, день и ночь одни слезы, высохла в щепку. Никакие уговоры не помогают, с нею могут быть последствия плохие.

Витю арестовали 1 января, а 15 января расстреляли и бросили в ствол шахты 5 на 45 метров глубины. Расстреливали в первой партии, всех достали 74 трупа обезображенных. Вите заживо вывернута левая рука, так и осталась налита кровью. Лица нет, все избито, лежал в стволе до прихода наших. Похоронили всех в братской могиле в парке. Его обвинили в партизанстве, больше описывать не буду, может скоро увидимся, тогда все подробно поговорим. Постарайся как можно поскорей приехать к нам хоть на короткое время. Мы очень беспокоились за тебя и за Володю, о котором и сейчас пока не знаем.

Деньги и письмо получили, за которые тебя очень благодарим. Жизнь тяжелая, хлеба нет, покупать - нужно большие деньги, а в организации пока пусто. Теперь вот что: ты остался тоже раздетым. Постарайся скорей приехать, может что-нибудь придумаем и что есть, возьмешь себе...Кланяемся тебе и крепко - крепко целуем. Очень рады, что ты остался жив. Ждем приезда...Если что имеешь от Володи, вышли. Мы с мамой переживали много и ждали тоже такой участи, как и Витя, и она была бы, но нужно благодарить Красную Армию, что скоро освободила. Если б на неделю позже, мы бы больше не увиделись. Прощай, ждем с нетерпением тебя... Краснодон, 17 кв, № 10. Третьякевич 14.03.43 г. "

Дедушка, когда позже приехал к нам, то рассказывал, сколько они пережили в связи со смертью Виктора, а еще очень боялись получить похоронки о моем папе и его брате Володе, который был на фронте.

История деятельности "Молодой гвардии" неоднократно изучалась разными комиссиями. В 1965 г. в Краснодоне работала комиссия Института марксизма - ленинизма при ЦК КПСС под руководством проф. Петрова Ю.П., в 90-х гг. - межрегиональная комиссия, созданная еще ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМУ и еще комиссия областного Союза молодежи Луганщины. Докладная записка комиссии Петрова на имя директора института марксизма - ленинизма Пospelова Г.Н. пролежала под сукном более 25 лет, т.к. своими выводами не удовлетворяла Кошевую Е.Н.

В книге "Повесть о братьях Третьякевичах" я привожу ряд материалов межрегиональной комиссии. Здесь приведу выдержки из Записки комиссии Союза молодежи (август 1993 г.), которые во многом идентичны с выводами межрегиональной комиссии. Были изучены архивные материалы Луганска, центральных архивов Украины и России, а также личные архивы людей, занимавшихся историей "Молодой гвардии". Вот отрывки из текста этой Записки:

" В процессе работы комиссия основное внимание уделила выяснению следующих принципиально важных вопросов:

1. О партийном руководстве "Молодой гвардией", его уровне и содержании.
2. Об организаторах и руководителях "Молодой гвардии".

3. О количественном и персональном составе "Молодой гвардии".
4. О результатах изучения боевой деятельности участников организации.
5. О контактах организации с националистическим подпольем в Донбассе и связи "Молодой гвардии" с национально-освободительным движением народа Украины.
6. О причинах провала и гибели подпольной организации "Молодая гвардия".
7. Об освещении истории "Молодой гвардии" в одноименном романе А.А. Фадеева и "Повести о сыне" Е.Н. Кошевой.

(Далее приведу отрывки из Записки, касающиеся Виктора Третьякевича). Комиссия констатирует, что в конце июля - начале августа 1942 г. в оккупированном Краснодаре и окрестных поселках стихийно, независимо друг от друга возникли подпольные группы из патриотически настроенной молодежи. Эти юноши и девушки писали и расклеивали листовки антифашистского содержания, собирали оружие и боеприпасы для будущей борьбы. Все эти группы в августе-сентябре 1942 г. были объединены В.И. Третьякевичем в единую организацию, получившую название "Молодая гвардия". Отмечая данный факт, комиссия подчеркивает, что он находит достаточное документальное подтверждение. Вместе с тем, имеются существенные противоречия (в таких вопросах, как время создания и персональный состав штаба, количественный и персональный состав организации, связь с партизанским движением, достоверность документов и др.). Одной из центральных проблем является вопрос о том, кто был организатором и руководителем "Молодой гвардии" - Олег Кошевой или Виктор Третьякевич? Изучив имеющиеся документы, комиссия пришла к выводу, что решающий вклад в организацию и деятельность "Молодой гвардии" внес Виктор Третьякевич.

Третьякевич Виктор Иосифович, 1924 г. рождения, белорус, член ВЛКСМ с января 1939 г., комсомольский билет № 3073916. Как комсомольский активист, Виктор был широко известен до оккупации в городах Краснодаре и Ворошиловграде, возглавляя комсомольские организации СШ № 4 в Краснодаре и СШ № 7 в Ворошиловграде. Он избирался членом Краснодарского райкома комсомола, неоднократно выступал на его пленумах, а также в районной и областной печати. От имени комсомольцев и молодежи района выступал на областной отчетно-выборной конференции в 1940 г.

В июле 1942 г. Виктор Ворошиловградским обкомом комсомола утверждается членом подпольного горкома и обкома ЛКСМУ и направляется для прохождения партизанских курсов в спецшколе украинского штаба партизанского движения. После ее окончания он зачислен бойцом Ворошиловградского партизанского отряда под командованием И.М. Яковенко, в котором комиссаром был его родной брат Михаил Иосифович. В отряде Виктор находился с 13 июля 1942 г., участвовал в боевых операциях, выполнял задания командования, а также секретарей подпольного обкома и горкома партии и комсомола.

В августе-сентябре 1942 г. Виктор некоторое время нелегально проживал в Луганске, где совместно с членами подпольного горкома комсомола Г. Сериковой и Ю. Алексеенцевым руководил городским молодежным подпольем и лично принимал участие в изготовлении и распространении листовок, проведении разведывательных операций.

Имеющиеся документы показывают, что Виктор, проживая в Луганске, неоднократно в августе-сентябре 1942 г. бывал в Краснодоне. И наоборот, проживая в Краснодоне, в октябре-декабре появлялся в Луганске. В конце сентября 1942 г. в Краснодон переехала вся семья Третьякевичей, т.к. здесь стало небезопасно.

Комиссия располагает материалами, свидетельствующими о том, что появление В. И. Третьякевича в Краснодоне было обусловлено не только этой причиной. Его послал сюда для установления связи с Луганскими подпольными обкомами партии и комсомола (действующими на этой территории) И.М. Яковенко. Однако, как уже отмечалось, ни того ни другого обкома в оккупированном Краснодоне не оказалось. Хорошо зная краснодонскую молодежь, Виктор приступил к формированию из разрозненных групп юношей и девушек единой организации. Принимая участие во всех ее основных акциях, он руководил этой организацией до последнего дня ее существования, и разделил мученическую участь ее членов, которых зверски истязали в полиции, а затем сбросили в шурф шахты № 5.

Самая трагическая страница в биографии Виктора - это утверждения и слухи о его предательстве. Результатом этого явилось решение бюро Луганского обкома партии от 29 мая 1945 г. об отстранении от занимаемой должности М.И. Третьякевича, об исключении его и Виктора из списка партизан и подпольщиков. В последующие годы утверждения о том, что Виктор был предателем, а Олег Кошевой комиссаром "Молодой гвардии", на наш взгляд убедительно объяснил Р. П. Юркин, который в письме Луганскому обкому Компартии Украины от 15 ноября 1963 г., отмечал: "Считая предателем Виктора Третьякевича, в своих публичных выступлениях и в печати, я не мог и не имел права называть его комиссаром, а называл имя Олега Кошевого".

Однако была еще одна причина, о которой Юркин не говорит. Личность В.Третьякевича совершенно не вписывалась в миф о "Молодой гвардии", являлась помехой для наметившейся фальсификации истории этой организации и особо заинтересованных в ней лиц.

Кошевой Олег Васильевич, 1926 г. рождения, украинец, член ВЛКСМ со 2 марта 1942 г. (комсомольский билет не сохранился). Проживал в Краснодоне с начала 1940 г. О роли и месте Кошевого в создании "Молодой гвардии" и его деятельности в ее рядах имеются весьма противоречивые данные. Суть их сводится к тому, что он был центральной фигурой в организации, что все ее акции проводились под его руководством и личном участии, что даже деятельность партийного подполья Краснодона осуществлялась, главным образом, под его влиянием, что именно он осуществлял связь с Ростовским и Каменским подпольем.

Согласно этой версии дом Кошевых по ул. Садовой превратился в штаб-квартиру всего краснодонского подполья, где Олег принимал в комсомол, выдавал временные удостоверения, руководил заседаниями штаба, здесь звучали слова клятвы (хотя на самом деле в доме Кошевых молодогвардейцы ни разу не собирались, там жили немцы - Е.С.). Указанные версии появились после работы специальной комиссии ЦК ВЛКСМ под руководством А.В. Торицына - зам.заведующего спецотделом ЦК ВЛКСМ - в 1943 г. Материалы комиссии стали абсолютной истиной после выхода романа Фадеева "Молодая гвардия" и книги Кошевой "Повесть о сыне". Эти версии пропагандировали Е. Кошечая, Н. Иванцова, О. Иванцова, А. Лопухов, В. Борц, Луганский обком партии и огромное количество людей, "специализирующихся" на пропаганде подвига молодогвардейцев. Особую активность и настойчивость в утверждении этих версий проявили Е.Н. Кошечая и В.Д. Борц. Такой взгляд на роль Кошевого нашел отражение в экспозиции музея "Молодая гвардия" Краснодона.

В то же время существует много свидетельств того, что Олег Кошевой в "Молодой гвардии" был куда более скромной фигурой и по целому ряду объективных и субъективных причин не мог быть организатором и комиссаром комсомольско-молодежного подполья Краснодона. Не позволяли, прежде всего, возраст и жизненный опыт. Кроме того, как уже отмечалось, Олег был принят в комсомол в марте 1942 г. - для комиссара подпольной организации этот стаж явно недостаточен, тем более, что среди ребят-подпольщиков было много куда более опытных и авторитетных, прошедших специальную подготовку для нелегальной работы в тылу врага, таких, как Третьякевич, Загоруйко, Земнухов, Н. Иванцова, О. Иванцова, В. Левашов, С. Левашов, Л. Шевцова, а также имевших опыт борьбы с врагом на фронтах войны - Главан, Гуков, Мошков, Туркенич и др. Многие из хорошо знавших Кошевого отмечают, что ему присущи недостатки; характер их не позволял рассматривать Кошевого, как выдающуюся личность, которой можно было доверить должность комиссара.

Изучив широкий круг источников, комиссия пришла к выводу, что Олег Кошевой организатором и комиссаром "Молодой гвардии" не был".

Далее приведу выдержки из Записки Союза молодежи Луганска, касающиеся комиссии Торицына и роли Кошевой:

"Для выяснения обстоятельств гибели молодых людей была создана комиссия из представителей местных и центральных комсомольских органов, которую возглавил А.В. Торицын. Комиссия работала поспешно и недостаточно компетентно. В ее документах отчетливо просматривается субъективизм и предвзятость по отношению к некоторым участникам подполья. Работа комиссии имела закрытый характер, без привлечения широкой общественности, при полном отсутствии необходимых специалистов. Без тщательного расследования комиссия определила круг лиц, якобы виновных в предательстве и гибели молодежного подполья. Составленные документы стали первоосновой превращения молодых подпольщиков в мифологизированных героев-идолов, являющихся эталоном сталинской системы воспитания молодежи. Нельзя не отметить особую

негативную роль, которую сыграли роман Фадеева и книга Кошевой "Повесть о сыне".

Е. Н. Кошечкина, как это установлено комиссией, оказала большое влияние на работу комиссии Торицына. Именно ее показания стали основой искажений истории комсомольского подполья. Она навязала свое, весьма далекое от истины, представление о создании, деятельности и причинах гибели "Молодой гвардии" приехавшему в Краснодар Фадееву. Затем, после выхода в свет его романа, в собственной книге как истину, не требующую доказательств, Кошечкина расписала эту историю так, что возникновение и вся деятельность организации оказалась неразрывно связанной с руководящей и направляющей ролью её сына. Книга Кошевой содержит целый ряд грубых искажений, неправдоподобных эпизодов. Кошечкина, явно вопреки очевидным фактам, преувеличила собственную роль в деятельности "Молодой гвардии". К сожалению, в последующие годы вплоть до смерти (1987 г.) Кошечкина оказывала всяческое противодействие, как отдельным людям, так и комиссиям, пытавшимся установить истину о "Молодой гвардии". (Здесь приведу рассказ бабушки Анны Иосифовны: "Когда в тюрьме сказали, что молодогвардейцев, в том числе и Виктора, вывезли в Ворошиловград, я не поверила и мы вместе с матерью Сергея Тюленина Александрой Васильевной решили сходить к Кошевой. У нее на квартире стояли немцы и мы хотели ее попросить узнать у них о судьбе арестованных. Но нас не пустили в дом. Вышла бабка и сказала: "Лена отдыхает").

В Записке уделено внимание мало известным участникам "Молодой гвардии":

"Обращает на себя внимание, что в истории "Молодой гвардии" одни ее участники канонизированы в качестве бессмертных героев, другие выступают как антигерои, а третьи, хотя и принимали активное участие в основных акциях организации, проходят как исключительно рядовые, довольно бесцветные личности, легко и быстро исчезающие из нашей памяти.

К числу последних относится А.В. Ковалев - на самом деле личность яркая, мужественная, отважная. Главным "недостатком" Ковалева было то, что он сумел бежать, когда его с товарищами везли на казнь к шурфу шахты. Затем, после посещения родных и некоторых друзей, Анатолий ушел в сторону наступающих частей Красной Армии и пропал без вести.

Подвиг Анатолия Васильевича Ковалева, бывшего кумиром многих молодогвардейцев, по сей день не отмечен даже медалью "Партизану Отечественной войны", хотя такой медалью были награждены все погибшие и оставшиеся в живых молодогвардейцы".

Вообще, "в число подозреваемых в предательстве попал широкий круг молодогвардейцев, а также юношей и девушек, как связанных с организацией, так и не имеющих к ней отношения. По имеющимся сведениям более 30 были обвинены в измене и предательстве, хотя к подпольной организации не имели отношения".

Комиссия высказывает свою точку зрения о причинах провала "Молодой гвардии":

"Комиссия на основании анализа архивных документов, воспоминаний свидетелей приходит к выводу о том, что подлинными причинами провала и гибели организации являются:

- оперативно-сыскная акция, успешно проведенная краснодонской полицией и жандармерией в тесной координации с немецкими и итальянскими спецслужбами городов Луганска, Красного Луча и Ровеньков;
- активная контрразведывательная работа гитлеровских разведслужб, вскрывших систему партийно-комсомольского подполья, агентуру Центрального штаба партизанского движения Украины на территории Луганской области еще до ее оккупации;
- низкий уровень подготовки Луганским обкомом КПб Украины партийно-комсомольского подполья.

Чтобы скрыть истинные причины гибели молодежного подполья и обелить себя, Луганский обком совместно с ЦК КПБУ и в тесном единстве с органами НКВД-МГБ в "лучших традициях" 30-х годов разработали обширную версию гибели организации, замыкавшуюся на многочисленных предателях".

Далее приведу краткие выдержки из выводов комиссии:

- "Официальная история "Молодой гвардии" совершенно не соответствует истине.
- Искажения истины породила методология мифотворчества, оказавшая тлетворное влияние на освещение многих событий истории бывшего СССР.
- Молодогвардейцы, будучи воспитанниками ленинско-сталинского комсомола, оказались жертвами этого мифотворчества. Они боролись как могли. И какими бы скромными не были результаты их борьбы, они достойны благодарной памяти.
- Однако память о них будет прочной и искренней лишь тогда, когда в фундамент ее будет заложена историческая правда.

Необходимо сделать все, что должно осветить нашу память о краснодонских ребятах чистым светом истины".

ПЕРЕЕЗД В ВОРОШИЛОВГРАД

Осенью 1944 г. мы переехали из Паркоммуны в Ворошиловград, хотя отец продолжал еще некоторое время работать в Паркоммуне. Сняли две комнаты в частном доме на улице Ленина недалеко от кондитерской фабрики. Дом принадлежал старому знакомому и сослуживцу отца - Сербину Семену Михайловичу. Его семья занимала другие две комнаты. Он работал с отцом в Краснодоне и Паркоммуне. Был очень активным и деловым работником, добрым человеком. Его первая жена и дети остались в оккупированном Ворошиловграде и были расстреляны немцами. У меня остались воспоминания о встрече какого-то довоенного Нового года у нас дома в Вергунке с его детьми. Вместо елки ставили большую сосну, украшали скромными игрушками, в основном сделанными из ваты, но свечи на сосне горели настоящие, предназначенные специально для елок, чему я сейчас очень удивляюсь, что не боялись пожара. Нам нравилось, когда папа по очереди поднимал нас на одной руке высоко до вершины сосны.

В Паркоммуне я дружила с девочкой из моего класса Лидой Цыганковой, с которой мы любили изобретать замысловатые имена для мальчишек, иногда

выискивали их на географических картах. Например, мальчику, которому я симпатизировала, мы дали имя "Гельсингфорс", хотя его звали Коля Варнавский, и т.д. Не обошли мы вниманием и вышеупомянутого Сербина и придумали для его характеристики слово из 360 букв, соединяя отдельные слова через соединительные "о" или "е". Мы его произносили наизусть с большой скоростью. В моей памяти сохранилась примерно третья часть этого длинного слова: "Горбатостоящевыставляющеживотовставляющезубокартавобыстроговорящекудах чеголосогромаднобезброволысолобобезродинколицоносящегнилокостюмошляпо..." Говорили, что перед оккупацией он закопал свои пожитки во дворе дома и они погнили в земле, поэтому ему пришлось носить испорченные костюмы. Почему-то в это слово попали как бы отрицательные черты, хотя Сербин был симпатичный, доброжелательный человек.

В Паркоммуне я окончила 6 классов. На экзамене была одна четверка по письменному русскому языку из-за того, что в нужном месте не поставила тире. Ох, и досталось этому тире в моем дневнике! Я ему посвятила несколько страниц с такими выражениями: "чтоб оно сдохло", "чтоб оно провалилось" и пр. Мама прочла и очень смеялась. Потом, конечно, и мне было смешно.

В Ворошиловграде в сентябре или октябре 1944 г. папа повел меня устраиваться в 7-ю школу в 7-й класс. В Паркоммуне была смешанная школа, а здесь - СЖШ -средняя женская школа. При выборе иностранного языка я решила продолжить учить немецкий. Это были голодные годы, учителя сильно голодали. Школьникам выдавали пончики, и мы иногда договаривались, чтоб отдать свои пончики учителям. Помню старенькую, на вид очень ослабевшую, приятную учительницу по русскому языку Марию Игнатьевну - вот ей отдавали. У нее был красивый низкий голос, она хорошо играла на пианино. А у учительницы математики Глафиры Филимоновны - высокий. Она организовала школьный хор, была нашим дирижером. Как раз в нашем классе тогда стояло пианино, мы на репетициях сидели за партами и пели. Поющая рядом со мной Надя Гавриленко, на вечерах исполняла неплохим меццо-сопрано песню "Родина" - "Вижу чудное приволье". Как-то во время репетиции она говорит мне: "А у тебя неплохой голос, я скажу Глафире Филимоновне". Та прослушала меня и без особого восторга сказала, что "голос ничего, но хриплый". Однако мне поручили солировать, петь на украинском языке песню про партизан на школьных концертах. Я запевала: "Що за витер з-за горы, гнуться долу яворы" и хор подхватывал: "Партизаны, партизаны, пидиймайте прапоры". Подруга Люся стояла в хоре и посмеивалась над моими стараниями.

Когда училась в 7-м классе, я зачитывалась "Порт - Артуром" Степанова, была влюблена в его героев.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мы еще жили на частной квартире у Сербина, я заканчивала 7-й класс. На стене у нас висела большая карта СССР, где папа отмечал продвижение нашей армии. По ночам маленький братик Витя плакал, папа носил его на руках, подходил к карте и чтоб его успокоить, говорил: "У-у! Ну-ну, Гитлер!". И грозил Гитлеру пальцем. Это отвлекало братишку, но не надолго.

Радио у нас всегда было включено. И вот на рассвете 9 мая 1945 г. мы услышали позывные ("Широка страна моя родная"), все вскочили и родной голос Левитана сказал нам о Победе. Мы с сестрой Зиной лихорадочно стали одеваться и выскочили на улицу. Там люди бежали к центру и мы тоже побежали. Бежать довольно далеко - до конца улицы Ленина. Оказывается, весь народ со всех сторон мчался к центральной почте. Когда мы туда добежали, там уже собралась огромная толпа, в помещение почты нельзя было пробиться. Видимо, всем хотелось поздравить своих близких с Победой. Возможно, и нам дали поручение послать телеграмму в Краснодар, я этого не помню, но как бежали в едином порыве с толпой народа, запомнилось хорошо. А вечером толпы людей гуляли по центральной улице Ленина. Было и огорчение. Вдруг вечером из громкоговорителя снова раздались позывные и опять Левитан сообщил, что оказывается, еще не для всех кончилась война, а еще продолжались бои с группировкой войск под Прагой. И опять звучали слова: "Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!" Я не могла понять, почему утром объявили победу, а вечером оказалось, что она еще была неполной. Но огорчение быстро прошло, т.к. кругом было веселье. Народ радостно гулял по Ленинской - два потока навстречу друг другу. Вечерние прогулки по центральной улице были традицией в течение многих лет, при этом рассматривали, кто как одет, кто с кем идет и т.п. Выходил с семьей и первый секретарь обкома партии. Мне вспоминается год, когда в моду для мужчин вошли вышитые рубашки - гуцулки. И все старались их надеть на прогулку, в том числе и первый секретарь.

Кроме улицы Ленина наша компания часто собиралась в сквере около памятника Ленину, а когда мой брат стал юношей, то у них гулянье перешло выше - в сквер на Красной площади, это в 60-х гг. А его сын Миша в 80-х гг. поднялся еще выше - на Советскую улицу. Во времена моей юности на этом месте были частные дома и непролазная грязь во время дождей.

У нас сохранилась часть дневника моего двоюродного брата Вадика, который писал его в 12-летнем возрасте, в 1945 г., когда он закончил 4-й класс и перешел в 5-й. Его мать, сестра моего отца Мария, жила со вторым мужем в Брянской области, а Вадик воспитывался и жил у бабушки и дедушки Третьякевичей в Краснодоне. Он рос без отца и поэтому очень любил своих дядей, что видно из его дневника. (В дневнике: дядя Миша - это мой отец Михаил Иосифович, Володя - его средний брат, Лида - его жена, Витя - их сын, тетя Маруся - моя мама, другой Витя - мой брат, Зина - сестра, Леля - это я. В память о Викторе-молодогвардейце его именем назвали своих сыновей мой отец и его брат Владимир). Мне захотелось привести здесь записи из дневника Вадика, потому что в них есть какой-то своеобразный колорит и отражение того времени. Например, он применяет выражение "я пошел воды" вместо "по воду", возможно, это "шанхайское" выражение; "вишnek", что значит "вишни" и др. Интересно вспомнить и о продаже в те времена "мухоморов" - бумаги, пропитанной ядом. Ее клали на тарелку и заливали водой, мухи пили эту воду и дохли. Из дневника видно, какой популярностью среди краснодонских ребят пользовались кино и футбол. Вадик пишет о том времени, когда мы перевезли свой дом из Вергунки и поставили его на 6-й линии в Ворошиловграде. Рабочим, которые строили дом, нужно было носить завтрак и обед на место стройки.

Итак, дневник Ильинского Вадима (1933-1980) с небольшими сокращениями.

" Город Краснодон. 20 июня 1945 г.

Сегодня самый хороший, самый прекрасный день, мы получили от дяди Володи посылку. Для меня в посылке карандаши, бумага и гармошка (губная). Даже я вот сейчас пишу на присланной дядей Володей бумаге. Сегодня в клубе им. Ленина идет кино "Серенада солнечной долины". Живем мы одни с бабушкой, бабушки нет, она уехала к дяде Мише в Ворошиловград. Я очень по ней соскучился. Скоро придет бабушка с работы. Сейчас уже полшестого. Ну, пока на этот раз хватит писать.

21 июня 1945 г.

Сегодня тоже у нас прекрасный день - приехал наш любимый дорогой дядя Володя! Большое спасибо ему. Он мне подарил новенькую совсем губную немецкую гармошку, детский фотоаппарат. Я очень рад и очень благодарен им. Сейчас он куда-то уехал. Завтра он покажет мне как действовать фотоаппаратом. Привез мне ручек и карандашей. Сегодня я нарисовал портрет тов.Сталина. Сегодня же вместе с дядей Володей приехала бабушка.

22 июня 1945 г.

Бабушка сегодня решила побелить хату. Когда все вынесли из хаты и уже начали белить, приехал дядя Володя с тетей Лидой (жена) и с маленьким Витей (5 мес., сын). Витя уже кое-что понимает. Смеется, кричит, когда с ним начинаешь играть. Он так уже буянит в своей люльке, что его опасно одного оставлять ночью. Завтра идет в клубе им. Ленина кинофильм " В 6 часов вечера после войны". Очень интересный. Обязательно пойду.

23 июня 1945 г.

Вчера вечером дядя Володя рассказывал очень интересный рассказ, военный. Так что я слушал во все уши до самых 11 часов ночи. Утром мы ходили с тетей Лидой на базар, чтобы купить молока и клубники для вареников. Молока купили, а клубники не было.Потом тетя Лида мыла пол, и я нянчил Витю.

24 июня 1945 г.

Сегодня утром, позавтракав, я пошел к 12-ти в кино "6 часов вечера после войны". Очень интересное, замечательное! Придя из клуба, стал играть с ребятами в футбол. Моя команда победила. Игра закончилась со счетом 3 : 12. Поужинав, дядя Володя рассказывал, за что его наградили орденом Отечественной войны 1-й степени.

25 июня 1945 г.

Утром я проснулся в полдевятого. Витя уже не спал. Я встал, умылся и стал Витю нянчить. После завтрака бабушка велела мне сходить к Тишковым (соседи) за ступкой, чтобы натолочь соли. Я принес ступку, бабушка всыпала соли. Я стал толочь. Бабушка пекла блины. Наконец она сказала: " Ты, - говорит, - Вадик, натолки мне полную махотку соли!" Я говорю:" Это надо две солонки соли, чтобы натолочь полную махотку!" Бабушка обиделась за мои эти слова, начала меня ругать:"Ты,- говорит,- только можешь есть да бегать, а соли натолочь у тебя не хватает сил!" Бабушка долго сердилась, ворчала. Но все-таки она успокоилась и позабыла все. Потом я принес воды. Два раза ходил. Бабушка меня пустила на улицу. Я пришел только сейчас.

25 июня 1945 г.

Сегодня стали собирать в дорогу тетю Лиду вместе с Витей в Свердловку. В 5 часов приехала машина, тетя Лида села в машину с Витей и поехали.

27 июня 1945 г.

Утром я встал в 8 часов. Дядя Володя еще спал. Я умылся. Сходил к Захаровне за молоком, но ее не было дома. Когда я пришел от Захаровны, дядя Володя уже встал. Позавтракав, он куда-то ушел и принес газеты. В газете "Ворошиловградская правда" было сказано, что 24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади состоялся парад Победы. Командовал этим парадом маршал Советского Союза Жуков. Жуков произносит речь. Его речь очень интересная. Сейчас, после того, как уехала тетя Лида и Витя, в комнате стало как-то скучно. Уже не прыгает этот попрыгунчик Витя. Сейчас пол-одиннадцатого вечера.

28 июня 1945 г.

Сегодня утром меня бабушка разбудила в 6 часов. Я сходил воды за яр. Потом пошел на базар, чтобы купить мухомору. Купив мухомор, я остановился и стал слушать трогательную песню слепого. Он пел о том, что отец хотел зарезать своих детей. Придя домой, бабушка стала меня ругать, за то, что я купил на 20 руб. 4 мухомора. Потом она велела мне полить бураки грязной водой. Я взял банку с дыркой и стал поливать. Увидев это, бабушка стала опять меня ругать: "Башка, - говорит, - у тебя, Вадик, ничуть не варит, что тебе трудно поднести ведро к буракам? Ты, - говорит, - вместо деревенских мужиков, которые ели кашу так: почерпнут ложку каши и бегут в погреб за молоком. Так они и бегают взад и вперед. У них не хватает мыслишки, чтобы принести молоко из погреба, поставить на стол и есть". Завтра уезжают дядя Володя и бабушка. Дядя Володя поедет на фронт к себе в часть, а бабушка поедет к маме. Ох!!!! Как тяжело расставаться с дядей Володей! Он мне сказал: "Если ты сбережешь гармошку, не испортишь ни одного голоса до следующего моего приезда, то я тебе привезу новенький немецкий баян".

29 июня 1945 г.

Сегодня у меня тяжелый день. Утром уехал дядя Володя. Перед прощанием я немножко всплакнул. Он сказал: "Я опять скоро приеду и тогда уж привезу тебе баян". Уж очень мне жалко было расставаться с ним. Бабушка уехала к маме. Сегодня я провел первый день домохозяйки.

30 июня 1945 г.

Утром я проснулся - шел сильный дождь. Дедушка уже позавтракал. Когда я встал и умылся, дедушка ушел на работу и я остался один дома. Скоро буду ложиться спать.

1 июля 1945 г. Воскресенье.

Утром, позавтракав, дедушка куда-то ушел. Когда он пришел, мы пошли с ребятами в "Косой сад", так его прозвали жители. Нарвали там вишнеку. Он уже поспел. Пришел домой и пошел на стадион, на котором состоялся матч двух команд: "Зенит" (Баку) и "Динамо" (Краснодон). В этой игре победила команда "Зенит" со счетом 0:5. Билеты по 3 рубля детский и по 6 рублей взрослый.

Бабушки нет. Она уехала к маме.

2 июля 1945 г.

Сегодня я узнал из газет, что Сталину присвоили высшее звание Генералиссимус Советского Союза. Приказ гласил:

" Указ Президиума Верховного Совета СССР. О присвоении Верховному Главнокомандующему всеми вооруженными силами СССР СТАЛИНУ Иосифу Виссарионовичу высшего воинского звания Генералиссимус Советского Союза.

Верховному Главнокомандующему всеми вооруженными силами СССР Сталину Иосифу Виссарионовичу присвоить высшее воинское звание Генералиссимус Советского Союза.

.....

Москва, Кремль. 27 июня 1945 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А Горкин."

Слава Генералиссимусу Иосифу Сталину!

3 июля 1945 г.

Ночью сегодня приехал дядя Миша. Мы еще спали, вдруг кто-то стучит в дверь. Дедушка встал, открыл - это приехал дядя Миша. Он мне подарил портфель и новенькую записную книжку. Уехал он домой в Ворошиловград в 7 часов утра.

Сегодня мы получили газету "Ворошиловградская правда". В газете весь Ворошиловград поздравляет родного Сталина с вручением ему второго ордена "Победа" и с присвоением ему звания Героя Советского Союза и высшего звания Генералиссимус Советского Союза.

В клубе им. Ленина идет кино "Черевички".

4 июля 1945 г.

Сегодня была невыносимая жара.

5 июля 1945 г.

Опять невыносимая жара. Завтра на краснодонском стадионе состоится матч двух команд: "Стахановец" (Краснодон) и "Зенит" (Ворошиловград). Обязательно пойду.

6 июля 1945 г.

Жара опять. На стадион не ходил, потому что был сильный дождь. Получили газету "Правда". Там сказано, что на московском стадионе состоялся матч двух команд: "Спартак" (Москва) и "Зенит" (Ленинград). Игра закончилась со счетом 3:1 в пользу команды "Зенит". Это уже было четвертое поражение "Спартака".

7 июля 1945 г.

Сегодня состоялся матч на стадионе им. Ленина (Ворошиловград) двух команд: "Зенит" (Ворошиловград) и "Стахановец" (Краснодон). Игра закончилась со счетом 0:5 в пользу "Стахановца".

Опять жара. Сегодня идет три кинофильма вместе: "Сказка о царе Салтане", "Сказка о прекрасной царевне и семи богатырях", "Сказка о золотом петушке". Билет стоит 15 руб., потому что идет три картины.

8 июля 1945 г. Воскресенье.

Сегодня опять была жара. Утром я сходил на базар, купил молока. Позавтракав, пошел играть в футбол. Вечером ходил в кино: "Парень из нашего города". Очень интересное.

9 июля 1945 г.

Я с нетерпением ждал этого дня, потому что сегодня было солнечное затмение. В 16 часов 32 мин. на солнечный диск с запада начал надвигаться лунный диск. В 17 часов 37 мин. от солнца остался только серпик, потому что у нас было не

полное затмение, частное. Через некоторое время серпик начал увеличиваться и в 18 часов 37 мин. солнце стало таким, каким и было. Затмение окончено. Это будет самый памятный день.

10 июля 1945 г.

Сегодня был интересный день. На стадионе встретились "Спартак" (Москва) и "Стахановец" (Краснодон). Игра продолжалась 90 минут. Не прошло и минуты, как наш краснодонец Ларо (киномеханик) красивым ударом забил мяч в ворота спартаковцам. Игра закончилась со счетом 0:3 в пользу "Стахановца". Это было уже 5-е поражение "Спартака".

11 июля 1945 г.

Жара доходит до 30° (Вадик вместо градусов пишет %). Сегодня мы играли в футбол - 17-й и 16-й кварталы. Играли долго, весь вечер. Мы (17-й кв.) победили. 16-й квартал забил себе сам позорный гол. Игра закончилась со счетом 10:25.

12 июля 1945 г.

Получили газету "Правда", в которой сказано, что народ Закарпатской Украины поздравляет великого вождя и полководца - Генералиссимуса Советского Союза т. Сталина. Вышел новый художественный документальный фильм - "Парад Победы".

13 июля 1945 г.

Сегодня получили от дяди Володи открытку от 8.7.45 г., он писал из Харькова, что завтра выезжает в Москву, а там прямо в Берлин.

14 июля 1945 г.

Жара! Невыносимая - доходит до 40°.

15 июля 1945 г.

Сегодня ходил в кино - "Доктор Калюжный". Уже мы живем 16 дней без бабушки.

16 июля 1945 г.

Жара. Сегодня кино "Ластівка".

17 июля 1945 г.

Большой дождь.

18, 19, 20 июля 1945 г. Жара.

21 июля 1945 г.

Приехала бабушка с дядей Мишей. Она не ездила к маме, потому что маму не отпускал РК КПб и назначили ее директором Синявской НСШ (неполной средней школы). Дядя Миша обещал мне привезти в следующий приезд, т.е. достать, пленку для моего фотоаппарата.

22 июля 1945 г. Воскресенье.

Уехал дядя Миша. Прокатил меня до самого колхоза им. Орджоникидзе. Сегодня день Военно-морского Красного Флота! Да здравствуют советские моряки!

23 июля 1945 г.

Ходил на речку, там купался и научился плавать. У меня кто-то украл маленький ножичек.

Идет сильный дождь с грозой, был сильный град.

Получили газеты: "Правда", "Ворошиловградская правда" и "Социалистическая Родина" или "Соц.Родина".

Идет сегодня кино "Кашей Бессмертный", очень интересное. Сказка. Но в кино не пойду - грязь сильная.

24 июля 1945 г.

Сегодня ходил в кино на "Кашей Бессмертный". Очень интересное.

25 июля 1945 г. Жара невыносимая.

26 июля 1945 г.

Утром, позавтракав, я пошел воды. Дедушки уже не было, он ушел на работу. Когда принес воды, пошел играть с ребятами в футбол. Сегодня идет кинофильм "Возрождение". Интересное. Пойду.

27 июля 1945 г.

Была сильная гроза и в кино я не пошел. Получили от дяди Володи открытку из Бреста. После грозы была интересная радуга. Сначала красная полоса, потом зеленая, потом опять красная, потом синяя и желтая, а за желтой следовала опять красная. Такой радуги здесь еще не было. (Приводит рисунок радуги).

28 июля 1945 г.

Завтра состоится футбольный матч на стадионе "Динамо". Играют две команды: "Стахановец" (Краснодон) и "Динамо" (Ростов). Так!!! Посмотрим, кто кому насолит голов!

29 июля 1945 г.

Утром пошел на базар продавать газеты "Правда" по 10 руб. Выручил 40 руб. Ходил вечером в 6 часов на стадион. Там состоялся матч команд "Стахановец" и "Динамо" (Ростов). Игра закончилась со счетом 9:0 в пользу команды "Стахановец" (Краснодон).

30 июля 1945 г.

Ходил утром на базар продавать газеты, выручил 36 руб. Сегодня приезжал дядя Миша. Когда он приехал, то машина должна была выехать опять в совхоз им. Орджоникидзе (и я ездил в совхоз). Дедушка поехал на базу и привез оттуда яблок - яблоки крупные, спелые - белый налив. Через полчаса дядя Миша уехал.

1 августа 1945 г.

Получили от дяди Володи письмо с места. Он пишет, что, когда купался в реке Шпрее, то весь обгорел и теперь кожа облазит. Я сейчас же ему ответил.

2 августа 1945 г.

Получили газету "Правду", там сказано, что на московском стадионе "Динамо" 29.07.45 г. произошла встреча команд "Торпедо" (Москва) и "Динамо" (Киев). Игра закончилась со счетом 4:0 в пользу "Торпедо". Сегодня получили от мамы письмо.

3 августа 1945 г. Пятница.

Утром встал в 7 часов и начал чистить картошку. В 12 часов получили газету "Правда", там сказано, что на стадионе "Динамо" состоялся матч на первенство СССР - "Динамо" (Москва) и "Спартак" (Москва). Первенство выиграла команда "Динамо" со счетом 4:0.

7 августа 1945 г. Вторник.

Сегодня, встав утром, пошел воды. Когда принес воды, бабушка послала меня за хлебом и велела зайти в гараж и сказать дедушке, чтоб он привез книг. Я очень удивился, зачем в гараж идти, ведь там дедушка не работает, а оказывается, он поедет к дяде Мише. Я пошел, но он уже уехал. Получив хлеб, я пошел домой и

стал чистить картошку. Сегодня первый день мы спали с бабушкой без дедушки. Ложимся спать рано, потому что нет света, обрезал кто-то.

8 августа 1945 г. Среда.

Дедушка не приехал вчера вечером, а ведь ему надо обязательно на работу. Утром бабушка велела идти воды. Принеся воды, я пошел на улицу, потом меня позвала бабушка, чтобы купаться. Я сказал "сейчас", потом опять позвала, я опять сказал "сейчас", и так я сегодня не искупался. Сегодня ходил в кино "Это было в Донбассе". Когда пришел из кино, то ко мне пришел Саня Легков (товарищ). Он позвал меня идти к нему спать, потому что его мать ушла на работу, а он один. Но я ему сказал, что только если дедушка приедет, то я пойду.

9 августа 1945 г. Четверг.

Утро. Вчера вечером приехал дедушка, привез от дяди Миши меду. Поев меду, я пошел спать к Сане. Утром пришел домой в полдевятого, дедушки уже не было, он пошел на работу. Бабушка мне сказала: "Сынок, Япония объявила нам войну". Как так, опять война?

Полдень. Я очень был поражен новой вестью. Неужели к нам не приедет - думал я - дядя Володя. А ведь мы сегодня получили от него письмо. Он пишет - уже всем дают отпуска на 30 дней, без дороги. Он пишет, что выслал нам посылку, третью.

Вечер. Какая радость! По радио передали, что Япония сложила о-ру-жие. Ура-а-а-а-а-а!!! Да здравствует товарищ Сталин!!!???

10 августа 1945 г. Пятница.

Утром начал чистить картошку. Бабушка пошла на базар. Приходили электрики и провели свет. Теперь можно сидеть хоть всю ночь. Часа в три сходил воды на Садовую улицу, очень далеко. Потом пошел с ребятами на речку. Нырять очень глубоко. Заплывал на такие места, где мне с ручками. Это купание доставило мне много удовольствия. Придя домой, съел целую чашку борща, и целую чашку каши.

11 августа 1945 г. Суббота.

Сегодня, встав утром (ночевал у Сани), я пошел домой. Как только я зашел во двор, вышел из хаты дедушка и говорит: "Ты куда это деваешься! А то я тебе сейчас нахлопаю!" На его лице была улыбка, я знал, конечно, что это он сказал нарочно. Войдя в комнату, что я увидел - за столом сидит...м-а-м-а-. Так значит вот почему дедушка сказал на меня так и улыбался. Потом я ходил с мамой на базар. Мама хотела купить мыла, но мыла не нашла. Остальное время дня провел как всегда.

12 августа 1945 г. Воскресенье.

Утром пошли с мамой на базар. Там мы видели географию для 7-го класса. Стоит 100 рублей, а книга уже старая и поношенная. Мне мама привезла для 5-го класса все книги, и для 6-го, 7-го, 8-го. Придя с базара, натаскал бабушке воды, а то ведь мы завтра уедем к дяде Мише. Потом ходил на речку с ребятами. Придя с речки, начал чистить картошку. Поужинав, я стал писать дневник, потом легли спать.

13 августа 1945 г. Понедельник.

Утром я посмотрел на небо - оно было пасмурное. Ночью шел сильный дождь. Это нам помешало, конечно, ехать, но дедушка узнал, что машина пойдет в Ворошиловград. Мы быстро собрались и пошли в гараж. Ждали очень долго,

наконец-то машина пришла и мы поехали. В Ворошиловграде остановились около комбината, слезли, пошли по улице Шевченко, потом свернули на улицу Карла Маркса и вышли на улицу Ленина. Когда пришли к дяде Мише в дом, на нас кинулись собаки, но тетя Маруся их отогнала. Витенька еще спал. Когда мы разделись, тетя Маруся подала нам тарелку яблок, мы поели. Потом пришел дядя Миша и мы начали обедать.

14 августа 1945 г. Вторник. Ворошиловград.

Сегодня утром Сербин (хозяин дома) бил дядину Мишину собаку Милорда. Дети Валик и Боря лезут к нему, а он их укусил, и правильно сделал. Когда его Сербин бил, мне его было очень жалко. Завтракали сегодня что: жареную картошку и пили чай с вареньем. Витя тоже с нами обедал, ест постреленок все. И огурцы соленые, и яблоки, и груши. Он уже начинает переступать. Вот ползет, ползет - раз! - и встал на колени, потом на ножки. Скажешь ему: "Витенька! Миленький! Скорей сюда иди!" И он раз, раз и топает ножками. Раз - и упал, и ползет ко мне.

У них есть богатый радиоприемник. Как заведешь его на самую тихую волну, он орет в сто раз громче, чем радио. Ну а если его поставить на самую громкую волну, то, наверное, будет орать на весь Ворошиловград.

15 августа 1945 г. Среда.

Сегодня встал утром в 6 часов, меня разбудило радио, игравшее гимн Советского Союза. Одевшись, я вышел во двор. Там дядя Миша носил Витеньку - он определенно встает всегда в 5 часов. Я взял его, посадил в коляску и начал катать. Леля и Зина уже встали. Умывшись, мы стали завтракать. Ели мясо утиное, картошку с огурцами и груши. Потом я с Лелей пошел на постройку относить плотникам завтракать. Какой у них будет красивый дом! Комнаты уже побелены, провели свет и радио. Когда мы шли оттуда, Леля зашла к знакомой девочке Лиде, а я пошел домой и остальное время дня проводил как всегда.

16 августа 1945 г.

Сегодня тетя Маруся послала меня отнести плотникам завтрак. Валю со мной не отпустили, сказали, что еще задавит машина. Придя оттуда, я спросил, где Леля. Ее дома не было, она пошла в школу. Когда она пришла, мы отправились смотреть кино "Берлин". Кино очень интересное. Шли когда оттуда, Леля купила мне мороженого. Придя из клуба, мама постирала мне маечку, Леля понесла обед плотникам, а я остался нянчить Витю. Сегодня вечером передали по радио, что Япония капитулировала. Японский император издал приказ, чтобы сложить оружие. Ур-р-ра! Да здравствует Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза Сталин! Слава нашей доблестной Красной Армии!

17 августа 1945 г.

Сегодня, встав, стал нянчить Витю. Дядя Миша позавтракал и ушел на работу. Часов в 10 утра ходили вместе втроем (Леля, я и Валя) в кино - "Это было в Донбассе". Очень интересное. Я его видел в Краснодоне.

Сегодня передали по радио, что будто бы Япония капитулировала; это лживый обман. Утром передают по радио, что наши бойцы сидели в окопах и праздновали вторую победу, как вдруг прямо в окопы попал вражеский снаряд. Застрочили пулеметы, загрохотали пушки и опять война. Смерть лживым пузатым самураям!

18 августа 1945 г.

Утром дядя Миша собрал нас в дорогу. Мы сели в машину и поехали домой. На полпути шофер занервничал и не захотел ехать, говорит, что грязная дорога. Мама хотела идти пешком, но я заплакал и не пошел. Тогда и она не пошла, мы вернулись. Ехали долго. Машина эта была неисправная, когда ехали, то она трещала. А шофер был плохой - вот едет, едет, разгонится и ни с того ни с сего - раз и свернул прямо в канаву. Один раз чуть не перекинулись. Когда мы приехали, Леля сказала: "Я так и знала, что они вернутся". Витенька уже спал. Леля дала нам с мамой тарелку яблок и груш, мы все это поели.

19 августа 1945 г.

Утром носил с Лелей завтрак плотникам, потом стал нянчить Витеньку. Вдруг за окном зарычала машина студебеккер, значит, это мы поедем домой. Я целовал Витю. Ведь кто его знает, когда мы с ним еще увидимся! Заехали на постройку и взяли с собой плотников, потому что они уезжали тоже в Краснодон. Перед прощанием Леля сказала: "Вадик, вот тебе эта штучка и дай мне честное пионерское слово, что ты ее не посмотришь до самого дома". Я дал ей честное пионерское слово, что не посмотрю. Когда приехали домой, у нас была Токарская (знакомая), она принесла нам яблок из своего сада. Через некоторое время я пошел с ребятами на речку.

20 августа 1945 г. Краснодон.

Сегодня мама решила уезжать, потому что у нее отпуск до 20 августа. Уезжая, она сказала, что еще приедет на зимние каникулы. Я провожал ее до кокс-угля, а дедушка до Дуванки. Придя домой, снял свои трусы и надел новые, а те бабушка начала стирать. Потом меня бабушка пустила на речку. Когда я возвратился, дедушка уже был дома, он пообедал и лег отдыхать. Та штучка, которую мне Леля дала, оказалась яблочком - маленьким, маленьким, как ноготь.

21 августа 1945 г.

Утром пошел на базар продавать книги и газеты. Выручил 100 рублей. Продал одну книгу по геометрии и одну по алгебре - геометрию за 60 рублей, алгебру за 30 рублей и одну газету "Правду" за 10 рублей. Когда я пришел домой, бабушка пошла на базар, а я стал рисовать картину "Перед грозой". К обеду пришел дедушка и сказал, что завтра мы пойдем в совхоз им. Орджоникидзе и выпишем там огурцов, яблок и чего-нибудь другого.

22 августа 1945 г.

В совхоз не пошли, потому что дедушке надо было идти на работу. Бабушка завтра поедет к дяде Мише. Потом я ходил воды, принес два раза. Ходил на речку, купался в таком месте, где у самого берега с руками - вот так (приводится рисунок). С речки зашли в сад за терном. Терн уже поспел, черный. Нарвал полную пазуху. Пришел домой в пять часов, бабушка начала ругать, что я так долго был на речке. Но я сказал: "Ведь вы уедете завтра и будете там до 1-го сентября, и мне нельзя будет сходить на речку искупаться". Бабушка дала мне вареной кукурузы, она очень вкусная. Я с удовольствием съел 10 кочанов.

23 августа 1945 г.

Бабушка не поехала к дяде Мише, потому что был дождь, и погода была сырая. У меня несчастье - поломалась гармошка, отскочила крышка. Но ничего, дедушка сказал, что прибьет ее. Сейчас начал рисовать картину "После грозы". Получается очень хорошо.

24 августа 1945 г.

Сегодня утром уехала бабушка. Утром я убрал постель, подмел пол и вышел во двор. Когда вечером пришел дедушка, я пошел на улицу. Играли в футбол, я сам был вратарь. Сколько раз наносили удар за ударом в наши ворота. Пока я был вратарем, сыграли вничью 0:0. Но когда стал вратарем Ваня, а я пошел играть, я сразу забил три гола один за другим. Потом другие ребята забили еще два. В наши ворота - только один, и то они забили рукой. Зато я им ударил пендель и забил свой четвертый гол. Игра закончилась со счетом 6:1 в нашу пользу. Мы выиграли 90 рублей. Я забил четыре мяча, и мне дали 45 рублей (первый гол - 15 руб.).

24 августа 1945 г.

Спал до 8 часов. Когда встал, дедушки уже не было, я позавтракал и играл во дворе с ребятами в футбол. Потом пришел дедушка, принес газету "Соц. Родина" и от мамы телеграмму, она пишет, что доехала хорошо. Сегодня написал письмо дяде Володе и маме. Ходил в кино "Нашествие". Интересное.

25 августа 1945 г.

Дедушка ходил на овощной склад и принес оттуда помидоров и яблок. Я начал рисовать картину под заглавием "Белеет парус одинокий в тумане моря голубом" (приводится рисунок). Весь день провел за чтением книг и за рисованием. Остается только 6 дней до нового учебного года. Я буду учиться уже в 5-м классе. Моя мечта быть великим художником, как Репин, Левитан и многие другие. И когда я окончу 10 классов и художественную академию, о, тогда я воскликну: "Ну вот, моя мечта сбылась!!!" И стану я великим художником, буду рисовать картины обязательно с такой подписью: "В. Ильинский". И все будут говорить обо мне, о моих картинах, о моем таланте.

26 августа 1945 г. Воскресенье.

Утром встал и пошел воды. Дедушка начал готовить обед. Я пошел с ребятами на речку и пробыл там до 3-х часов. Придя домой, съел целую чашку борща и каши. От дяди Володи нет писем, мы очень беспокоимся за него. Ходил (только сейчас пришел) на стадион, там играли "Стахановец" (Краснодон) и "Стахановец" (Ростов). Игра закончилась со счетом 2:4 в нашу пользу. Только что поужинал, сейчас уже без 15-ти 10 вечера. Буду ложиться спать! Спокойной ночи, мой дневник!

27 августа 1945 г. Понедельник.

Сегодня утром приехал мой лучший друг Анатолий Изварин. Мы с ним горячо беседовали. Он сходил на базар и купил арбуз. Мы его с удовольствием и с хорошим аппетитом съели. Остальное время дня проводил так: читал, рисовал и спал. Вечером к нам приехал дядя Миша. Он сказал, что о дяде Володе беспокоиться не надо, что они получили от него два письма. Сейчас уже двадцать минут 10-го, только что уехал дядя Миша. Буду ложиться спать, а то пишу - и глаза слипаются.

До свиданья, спокойно спи, желаю тебе видеть интересные сны, мой дорогой дневник!

28 августа 1945 г. Вторник.

Встал в 7 часов утра. Когда дедушка ушел на работу, я еще часов до 10 лежал и читал книгу "Рожденные бурей". Книга очень интересная, автор Николай Островский. Потом стал прибираться в комнате. У меня сегодня радость - мы получили письмо от дяди Володи и от мамы. Вечером играл с ребятами в футбол.

Сейчас уже 10 минут 10-го вечера. Буду сейчас мыть ноги и лягу спать. А то я набегался с 6 часов до 9 и ужасно хочется спать. Пожелай мне спокойной ночи, мой дорогой дневник. И он (дневник) пропищал тоненьким голоском: "Спокойной ночи, дорогой Вадим!"

29 августа 1945 г. Среда.

Ко мне зашел друг Изварин А. Мы долго сидели на скамеечке, разговаривали об учебе. Да! Остается два дня, только всего два дня! Потом начнется новый учебный год: 1945-1946. Надо будет учиться прилежно, и только на 5, да, только на 5. Может быть, завтра или послезавтра приедет бабушка, а то я по ней здорово соскучился. Сегодня сделал с Саней Легковым (товарищ) самокат (приводит рисунки самоката).

31 августа 1945 г.

Утром встал, умылся, оделся и пошел в школу. В школе нас разделили по классам и мы пошли на демонстрацию. Ходили в парк. Потом пошли к райкому и там был митинг.

1 сентября 1945 г.

Сегодня первый день в школе. Рассказывали нам историю, немецкий и др. Завтра воскресенье. Ах, жаль, что нельзя будет учиться.

2 сентября 1945 г.

Сегодня весь день гулял.

3 сентября 1945 г.

Победа, товарищи! Япония капитулировала. Сегодня счастливый день! Да! Этот день навсегда войдет в историю русских народов! Этот день, 3-го сентября 1945 года, объявляется днем всенародного торжества. День Победы! Праздник!

4 сентября 1945 г.

Сегодня было все время пасмурно. Когда пришел в школу, там уже построились на зарядку. Спасибо, что не опоздал! Пришел домой поздно, в 9 часов. Идет сильный дождь.

5 сентября 1945 г.

Когда дедушка ушел, я опять лег спать. Потом встал и начал учить уроки. В три часа пошел в школу. Сегодня получил первую пятерку. Надеюсь получать всегда такие отметки. Пора спать. Ложусь и засыпаю крепким сном. Спокойной ночи".

На этой спокойной ноте кончается дневник Вадима Ильинского. К сожалению, другие тетради дневника не сохранились.

В НОВОМ ДОМЕ

В 8-м классе я начала учиться, когда мы стали жить в своем доме на 6-й линии, недалеко от моей школы. Дом поставили на пустыре, который образовался после попадания бомбы во время войны. Наш дом путешествовал уже второй раз. Первый раз его перевезли из хутора Камышного в Малую Вергунку и вот сейчас - из Вергунки в Ворошиловград. В доме сначала было крыльцо, потом пристроили веранду, вокруг которой вился виноград. Перед входом на веранду в земле была укрепленна железная скоба, чтобы счищать грязь с обуви. Бывшую кухню превратили в комнату и назвали ее кабинетом, там поставили письменный стол, книжный шкаф

и диван. А кухню, ванную, кладовку и коридор пристроили к дому уже не из дерева, а из камня. Во дворе построили каменный сарай и деревянную летнюю кухню. Туалет находился тоже во дворе. Всегда была собака и кошка, собака жила в будке, на цепи. На небольшом участке возле дома росли фруктовые деревья (вишни, сливы, яблони, груши, абрикосы и одна черешня), на грядках мама сажала овощи и цветы. Дедушка Вася посадил разные сорта вкусного винограда - белого и черного. Когда он созревал, на него нападали осы, и приходилось кисти обвязывать марлей. На зиму виноград закапывали в землю, чтоб не замерз при больших морозах. Любимые, незабываемые ощущения, связанные с жизнью в этом доме, - томительные вечерние запахи цветов ночной фиалки и ночной красавицы (здесь ее зовут "зорька"), а также запах деревьев и листьев после дождя. Когда начинался дождь, пахло прибитой пылью, что тоже мне очень нравилось. Недалеко находилась кондитерская фабрика и оведала нас конфетными запахами, а когда шел коричневый дым из ее трубы, я считала, что это шоколадный дым.

Любила я, когда солили на зиму овощи. Во дворе стояло много различных емкостей, в которых по очереди мыли овощи. Если это были помидоры, я их в это время поедала в больших количествах без соли и хлеба. Мама так и считала меня из-за этого любительницей помидоров. Когда солили капусту, то в доме на полу расстилали клеенку и несколько человек ее шинковали. Все овощи солили в больших бочках. Иногда засаливали арбузы, малосольные арбузы - очень вкусно! Зимой все соленье пробовалось, сравнивалось, анализировалось, обсуждалось с гостями.хлопот с соленьем было много: через три-пять дней мама или бабушка Мотя спускались в погреб с ведром теплой воды и тряпками. Там смывали плесень с кружков и гнета на кадушках и споласкивали тряпочки, которыми накрывалось соленье. Тыкву запекали в духовке, она получалась с поджаристой вкусной иногда коричневой корочкой сверху. Когда я попробовала сделать так в газовой духовке, у меня не получилось, наверное, не хватало температуры по сравнению с углем. На припечке всегда заквашивалась ряженка, тут важно было не дать ей "отскочить", т.е. появиться воде, поэтому велось за ней непрерывное наблюдение. Закваску обычно выбирали на базаре. Был такой сорт ряженки, который напоминал своей тянучестью ацидофилин, и назывался "сюзьма". Блины обычно ели не со сметаной, а с ряженкой. Чаще всего блины делали пресные, не дрожжевые. Разогретую сковороду смазывали куском сала, оно выгорало и после этого наливали тесто на сковороду. При этом дым стоял столбом, лучше всего было это делать в летней кухне. Блины получались тонкие, кружевные, смазывались пучком из куриных перьев сливочным маслом. А что же все-таки такое украинский борщ? Встречается много его рецептов, но главным у нас считалось, что капусту нужно класть в борщ за пять минут до готовности, чтоб она не разварилась, и что красный цвет борща должен быть не от свеклы, а от помидоров. Раньше мама борщ заправляла толченым старым салом, его толкли вместе с луком и зеленью, от этого получался неповторимый запах и вкус у борща. Его ели без сметаны. А с возрастом, когда уже решили, что сало есть вредно, делали жарку на подсолнечном масле. Не разрешалось сметать крошки со стола рукой - примета, что сметаешь деньги, нужно тряпочкой или салфеткой. Мама вспоминает, что в детстве ее били по рукам, если она так делала.

В нашем доме одно время, после возвращения из эвакуации, жила мамина подруга тетя Зина Шапиро с детьми - Лидой и Ромой - до приезда дяди Миши с

фронта. Потом они перешли в свою квартиру на улице Карла Маркса. Дядя Миша работал в газете "Ворошиловградская правда". Развлечений было мало, мы ходили гулять в парк, и еще запомнилось посещение приехавшего на гастроли цирка, где нам с Лидой очень понравилось выступление клоуна в гриме Чарли Чаплина. Мама у тети Зины научилась готовить фаршированную рыбу, форшмак и паштет. Позже, когда я приезжала на каникулы из Москвы, тетя Зина приходила меня встречать, а потом и когда приезжала в отпуск из Дзержинска. Она была веселая по натуре, остроумная, умела интересно рассказывать о всяких жизненных случаях и заразительно смеялась. А когда я встречалась с дядей Мишей Шапиро, он сильно хлопал своей рукой по моей и восклицал: "Привет, Пантюха!" Я смущалась, а тетя Зина при этом заливалась смехом. Они с моей мамой были очень разные по характеру, но это не мешало их дружбе, которая длилась более 60 лет, до самой смерти тети Зины. Когда она умерла, мама сидела возле нее. Сейчас, когда я приезжаю в Луганск, мне ее очень не хватает, я все время жду, что ее увижу, но остается только встреча на кладбище.

В 1947 году была денежная реформа. Мама нам с Зиной дала старые деньги, оставшиеся 250 рублей, и поручила что-нибудь купить. Они уже потеряли ценность, но их еще принимали в течение нескольких дней. Мы сумели на них купить только хлеба. Каждый год 1 апреля проводилось снижение цен на разные товары. Мне кажется, что это был больше психологический прием, потому что существенного снижения не было.

Первое знакомство с Москвой.

В июне-июле 1947 г. папа поехал в командировку в министерство угля в Москву и взял меня с собой. Ехали мы туда в смешанном вагоне: нижние полки - общие места, они набивались до отказа, а верхние - считались плацкартными. У нас была только одна верхняя полка на двоих, мы с папой спали по очереди. Запомнилось, как возле какого-то разъезда было написано: "До Москвы 147 км". Мне показалось, что это уже очень близко и сердце заколотилось от волнения. В Москве мы остановились жить у сотрудника министерства, совсем еще молодого человека, Жоры Ампилогова, который жил с матерью в Большом Козихинском переулке. Поэтому мы каждый день проходили по Тверскому бульвару мимо Пушкина, он еще не переехал на другую сторону, и часто заходили в Елисеевский магазин. Меня коробило, когда этот Жора знакомил моего папу с кем-нибудь и при этом хлопал его по плечу со словами: "Хороший парень". Мне папа казался солидным и представительным, хотя ему тогда было 37 лет. Меня как провинциалку этот красивый Жора покорила своей столичной внешностью и непосредственностью. Приходила к нему симпатичная девушка, с которой я потом встретила в Менделеевском институте. Но она больше одного года не выдержала, ее отчислили по неуспеваемости.

В день нашего приезда в Москву на стадионе "Динамо" проходил матч "Торпедо" - "Спартак", по улице Горького шли переполненные троллейбусы в ту сторону и мчались машины. В то время в Москве учился папин брат Володя, мы с ним посетили рестораны "Арагви" и "Асторию". В "Астории" играл оркестр, пела певица. В меню я прочла "суточные щи" и не могла понять, что это такое.

Папа повел меня в мавзолей, перед ступеньками стоял солдат и тихо предупреждал, чтоб идти осторожно и что мужчинам надо снять головной убор. Я шла не дыша, не моргая смотрела на Ленина. Меня поразили сильно сжатые его глаза, как будто бы он зажмурился от света. И больше мне никогда не хотелось посетить мавзолей, видимо это казалось чем-то противоестественным.

Мы успели сходить в Большой театр на оперу "Князь Игорь", это был последний спектакль перед перерывом на лето. Запомнила только Михайлова в роли Кончака и Козловского в роли Владимира, а когда уже училась в Москве и еще раз слушала эту оперу, то кроме названных певцов - в роли Игоря выступал Алексей Иванов, а в полонецких плясках танцевала сама Лепешинская. В саду "Эрмитаж" прослушали эстрадный концерт с участием известных певцов оперетты Лебедевой и Качалова, которых я знала по радиопередачам. Они спели хорошо знакомые мелодии из "Сильвы". В концерте приняли участие совсем молодые тогда Людмила Лядова и Нина Пантелеева, их дуэт приобрел уже популярность.

Когда я была в Москве, произошло интересное совпадение - читаю "Вечернюю Москву" за 6 июля, впервые вижу объявления о разводах, с любопытством их просматриваю и вдруг знакомая фамилия! Оказывается, отец моей близкой школьной подруги Люси Перегонцевой, который жил уже не с ними, а в Москве, возбуждает дело о разводе с ее мамой. Я попросила у хозяев эту газету и привезла такой плохой подарок Люсиной маме в Луганск. Потом приехал отец, чтоб развестись. Люська редела непрерывно, т.к. она вдобавок узнала, что это не родной ей отец, он ее усыновил, а Алла и Юра - его родные дети, которых однако он оставлял. Когда мы смотрели фильм "Без вины виноватые", Люся тоже проплакала весь фильм, потому что Дружников, исполнявший главную роль, был очень похож на этого отца.

Из Москвы папа решил лететь самолетом. Мы вылетели из Внуково до Сталино (Донецк), т.к. до Ворошиловграда тогда еще самолеты не летали. Летели, как папа сказал, на "Дугласе", прилетели поздно вечером и заночевали в какой-то хате недалеко от аэропорта. А утром на маленьком самолете У-2 полетели в Ворошиловград. Я и раньше летала на таких самолетах, только двухместных, из Красного Луча в Ворошиловград, и меня не боялись отпускать одну. Летчик тогда был по фамилии Орел, но фамилия, к сожалению, его не спасла, и он в один из полетов разбился. А сейчас мы с папой летели в трехместном У-2: впереди - летчик, на втором месте - я и сзади - папа. Самолет был открытый, свистел сильный ветер, близко гремела гроза, вокруг ходили черные тучи. Ветер заламывал ресницы до боли. Мне очень нравилось так лететь, внутри все ликовало. Папа удивлялся этому и всем рассказывал, что ему было не по себе, а что я совсем не испугалась. Когда приехали домой, я часто вспоминала красивого Жору и думала, как же его увековечить, и придумала. У нас появилась новая собачка, и я ей дала имя от его фамилии - "Ампа". Бабушке Моте это не понравилось и она стала звать собаку просто "Лампа".

Мама строго следила за моей и Зининой осанкой - это заключалось в том, что, если мы горбились, она нас безжалостно лупила кулаком по спине. Иногда это происходило неожиданно для нас, мы пугались, но зато запомнили, что спину нужно держать прямо.

Зина уже училась в железнодорожном техникуме, подружилась там с Леной Григорьевой. Они активно участвовали в техникумовской самодеятельности, играли в одной украинской пьесе, где Леня был - "Тимоша", а Зина - "Олена". Мы решили подшутить над Леной, и, когда он должен был прийти к Зине на свидание, я переделалась в ее одежду и вышла в переулочек. Зина с Люсей наблюдали издали за происходящим. Появился Леня и я вместо того, чтоб идти к нему навстречу, бросилась бежать вниз по переулочку к Люсиному дому. Леня подбежал ко мне и фразой из пьесы спрашивает по-украински: "Олена, це ты?". Я отвечаю: "Ни, не я, Тимоша". Тут выскочили из засады Зина с Люсей, и наш секрет раскрылся.

Леня отличался энергичным характером, был всегда веселый и очень активный. Еще не окончив техникум, он со своим другом решил поступать в Днепропетровский горный институт, для чего они сфабриковали фальшивые аттестаты об окончании школы и, конечно, поставили туда только хорошие оценки, чтоб пройти без экзаменов. Это им удалось. Вспоминаю, как у нас дома сидели за столом Леня с товарищем, Зина и я с Люсей и наблюдали за процессом изготовления печати из ластика. В институте Леня хорошо учился и выполнял общественную работу - это его спасло от исключения, когда уже на 4-м курсе раскрылся обман. Но извиняться перед ректором ему все же пришлось. Его товарищ предусмотрительно перешел в другой институт.

Летом 1949 года Зина и Леня поженились. Свадьба была у нас дома, в комнате еле поместилось человек 25, маме с папой места за столом не хватило и они стояли в дверях. Правда, маме все равно приходилось часто ходить на кухню. Томадой был папин брат Володя, его красивый баритон так и слышался. Почетной гостьей была старая луганская большевичка Мария Сергеевна Сараева-Зубова. Ее муж - известный луганский революционер, сподвижник Ворошилова. На их свадьбе Ворошилов был шафером. Она показала фотографию, где они сняты вместе с ним. В перерыве между застольем выходили на веранду проветриться и потанцевать. Плясали гопака и я тоже пустилась плясать, причем вприсядку. Мама меня отозвала в сторону и сделала замечание, что девушки вприсядку не пляшут. В конце свадьбы был, конечно, модный по тем временам торт "наполеон". После окончания горного института Леню направили работать на шахту в поселок Ольжерасс Кемеровской области, куда они с Зиной и уехали. В этом году - 1999-м - у Зины с Леной будет золотая свадьба.

Летом 1950 г. папа достал мне путевку в дом отдыха торговли в Геленджике. Тогда это был пыльный и захудалый городок, но море было очень хорошее. По утрам на берегу много ползало крабов, они стремились уйти от людей в воду. Продавалось старинное мороженое, которое выдавливалось из формочки. Впервые я узнала, что бывают отдельно мужские и женские пляжи, где можно загорать без купальников. Со мной в палате находились взрослые замужние женщины, они всю крутили романы с мужиками. Часто проводились экскурсии в другие дома отдыха, при этом без конца фотографировались. Получалась куча безликих фотографий, где трудно себя отыскать в большой толпе. Радостью для меня было, что рядом отдыхали институтские подруги Перцовская и Хрущева, мы часто встречались. Вечерами в доме отдыха были танцы под баян. Мы танцевали тогда старинные танцы па-де-катр, па-де-спань, молдавеняску. Весьма сложные танцы!

В 1950 г. приезжаю на летние каникулы домой, меня встретила мама и, как обычно, тетя Зина Шапиро, мамина подруга. Угощают меня уже последней клубникой. Тут же крутится и мой шестилетний брат Витя. Я обращаю внимание, что вид у них невеселый, глаза на мокром месте. Говорю, что пойду к Володе, папиному брату (они тогда снимали квартиру в соседнем доме), чтоб отнести подарки его пятилетнему сыну. Я всегда привозила одинаковые подарки своему брату и ему. Его тоже звали Витей. И тут мне говорят, что Володин сынишка Витя погиб. Он попал на нашей улице под машину. Мой братишка добавил: "Под ГАЗ-51". Нелепость этого ужасного случая возмущала, машины по нашей улице ходили редко, но несчастье случилось. А мальчик был очень умный, даже в его малом возрасте это чувствовалось, и особенно бросалось в глаза, что он уже умеет остроумно шутить. Это было большое горе для всех нас.

На майские праздники в 1951 г. я прилетела в Ворошиловград самолетом. Билет из Москвы стоил 216 рублей. Праздники оказались грустными - папина сестра Маня, 40 лет, болела туберкулезом и была уже при смерти. С ее сыном Вадиком я ходила ее проведать в больницу. Она тяжело дышала и пользовалась кислородной подушкой. Пыталась что-то нам говорить, прощалась. Глаза были широко раскрыты. Вадик плакал. На следующий день она умерла. Хоронили ее прямо из морга. Процессия направилась из больницы через дорогу на кладбище, оно было рядом. Сейчас здесь разбит сквер, рядом универмаг "Россия". Мы с подругой Мэрой шли впереди с венком из живых цветов. Когда это кладбище закрыли, то папин брат Володя перенес останки тети Мани и своего пятилетнего сына на новое кладбище.

Когда ездили на учебу в Москву, трудно было достать билет и трудно было сесть в вагон. Поезд шел из Донецка, а из Ворошиловграда к нему прицеплялись три вагона. Вот их брали штурмом. Это происходило в 2 часа ночи. Если меня провожал папин брат Володя, то он быстро пробирался в вагон и захватывал для меня и моих подруг места. Иногда вагоны были купейные, каждое купе набивалось до отказа. На верхних полках сидело тоже по несколько человек. По пути мы обязательно старались купить по ведру яблок на станции Долгоруково, это стало традицией. Там всегда была дешевая антоновка. В Москве у нас была задача проскользнуть на перроне незаметно мимо контролеров, которые вылавливали людей с лишним грузом. Груз ставили на весы и приходилось платить за лишний вес.